

Молот ведьм

выпуск #2
(июль 2013)

Молот Ведьм #2
/июль 2013/

редакция: *всем миром*
дизайн: *Маша Черная, Валерия Мрак, Екатерина Валерьевна, Eastyour Greens, Давид Чичкан*
вёрстка: *timmy*

Последняя и самая актуальная информация на тему анархо-феминизма здесь:
https://vk.com/afeminizm
https://anarchofeminism.noblogs.org/

Связь с нами:
molotvedm@grrlz.net

Вывернута наизнанку. Выкинута. Заброшена. Выжжена изнутри и снаружи. Забыта.

Все мои отношения. Все без исключения были построены на насилии. Нет, меня никто не бил, и руку не поднимал. Но это было бы более очевидно. Это было бы легче распознать. Часть отношений начиналась с сексуального принуждения. Начавшись с принуждения, я четко ощущаю свое рабское повиновение. Будто украв мою волю один раз, человек получает меня в полное свое распоряжение. Я занимаюсь сексом так и тогда, когда ему того хочется. Я делаю все, чтобы быть хорошей.

Вчера принуждение, сегодня- власть. Подчинив себе волю другого человека, они уже больше не останавливались. Начиная от обесценивания меня как личности, моих действий, и мою, на их взгляд, глупую деятельность. Было ли это намеренно или нет, я не знаю, но я отказывать списывать это со счетов. Будь то отношения на расстояния или в соседнем дворе, длительные или короткие, я всегда чувствовала себя обязанной и виноватой, всегда невольно стремилась оправдать чужие ожидания. Одеваясь «как девушка», я продавала саму себя, «готовя борщи» я кончалась. Негласные запреты на общение с моими друзьями, осуждение их и преподнесение их как никчемных. Бытовуха без конца и края. Я все это смешиваю в кучу и кидаю назад.

Недосказанность, предательство, обман, угрозы, преследование. Боль, растягивающаяся на долгие месяцы, но подпитывающая меня ненавистью. Этой ненависти хватит на всех. Самое сложное- выйти из болезненных отношений. Иногда мне это удавалось, некоторые преследуют меня и сейчас.

Где же я была плохой? Почему я больше не нужна?Чудовищное ощущение вины и тоски, подмешанное в общий котел разочарований и обесценивания себя... Идите к черту!

Зачем мне это надо? Зачем все эти «розовые сопли»?

Все это крайне важно. Страдания и переживания каждой, запрятанные глубоко внутрь, должны быть наконец вернуты обидчикам и ублюдкам. Вы думали мы будем молчать? Как бы не так. Мы будем говорить пока не разойдутся суставы, пока есть еще силы. Мы можем поделиться своей горечью с подругой, и каждая получит толику жалость. Но жалость нам не нужна.

Хватит подчиняться, терпеть, молчать. Пришло время перестать бояться быть женщинами, сковывать себя в рабские цепи стереотипов и общественных суждений.

Необходимо бить тех, кто виноват. Причинять боль тому, кто причиняет боль тебе. Нельзя терпеть, нельзя прощать. Нельзя отказываться от себя.

Лица итальянок в истории анархо-феминизма

Анархистское путешествие Марии Роды: из Италии в США

Мария Рода родилась в 1877 году в итальянском городе Комо. Её мать рано умерла, а потому характер её формировал преимущественно отец Чезаре Рода Бальзарини, активный участник местного анархистского рабочего движения. Не достигнув ещё и 14 лет, Мария уже начала работать на шелкопрядильной фабрике Комо и смогла увидеть на практике причины борьбы своего отца за права рабочих. Неудивительно, что в таких условиях Мария проникается идеями анархизма и идёт по стопам своего отца. В 1891 году она впервые попадает в тюрьму за участие в забастовке рабочих в Милане. Её обвиняют в подстрекательстве забастовщиков к сопротивлению полиции (во время забастовки она пела антиправительственные песни). На суде она говорит: «Мне жаль этого полицейского. Мне жаль его, потому что он всего лишь зарабатывает себе на хлеб, бедняга. Но меня коробит, что он преследует других бедняг, своих братьев… Пусть он подумает об этом». В 1893 году Мария вместе со своей семьёй переезжает в США и вступает в анархистскую группу Gruppo Diritto all'Esistenza (Право на существование). Это была одна из самых больших и влиятельных анархистских групп в США того времени, сыгравшая важную роль в объединении рабочих и возникновении рабочего движения. В воспоминаниях члена группы Вильяма Галло ясно прослеживается та роль, которую отводили американо-итальянские анархисты саморазвитию и поддержанию связей между мигрантами в чужой стране: «Итальянские анархисты Патерсона образовали кооператив, кооперативную бакалейную лавку с клубом наверху… Они встречались по субботам, а фактически каждый день. Они играли там в карты, пили вино или пиво, но не слишком много. Каждую субботу были танцы под музыку, которую играл небольшой оркестр. Я играл на гитаре, [мой брат] Генри – на скрипке… Отец с матерью, особенно мать, выступали в клубе, там была небольшая сцена… Все пьесы были о жизни бедняков и о том, как их угнетают». Фактически сплочению анархистской группы действительно способствовали появившиеся и поддерживаемые итальянским сообществом образовательный центр и обособленное кадровое агентство «для своих» - для итальянских эмигрантов.

Борьба женщины: вместе или против организации

Итак, Мария Рода примыкает к крупной анархистской орга-

низации, и что же она там обнаруживает? Всё ту же старую историю. «Мужчины говорят, что мы легкомысленны, что мы слабы, что мы неспособны поддерживать борьбу против этого невыносимого общества, что мы не можем понять идеал анархизма... Но именно они – причина нашей слабости, нашего неразвитого интеллекта, потому что они ограничивают наши возможности... и игнорируют нас». Мария обращается к своим «сёстрам-рабочим»: «Пришло время нам действовать и организоваться, чтобы доказать миру, который нас обвиняет, что мы тоже на что-то способны». В 1897 году Мария публикует в анархистской газете La Questione Sociale (Общественный вопрос) статью «К женщинам-рабочим». В последующие десять лет в «Общественном вопросе» многие женщины будут публиковать тексты со схожим смыслом – тексты о том, что мужчины не воспринимают женщин, работающих на благо анархистского движения, в качестве равноправных партнёров. Только вдумайтесь: «в последующие десять лет...». Это действительно очень старая история. Однако Мария не отчаялась и в том же 1897 окончательно созрела для создания Gruppo Emancipazione della Donna (Группа женской эмансипации). Вместе с Марией у истоков этой группы стояли видные деятельницы группы «Право на существование» Нинфа Бароньо и Эрнестина Кравелло. Группа женской эмансипации объединяла внутри себя различные феминистские кружки, существующие внутри пёстрого анархистского движения.

Женский вопрос в печати

Объединение женщин в собственную группу явилось следствием их недовольства отводимыми им второстепенными ролями и снисходительным отношением со стороны мужчин в анархистском движении. Как только эта проблема несимметричных ролей внутри движения была обозначена, сразу же в анархистские газеты хлынул поток статей, в которых женщины анализировали не только общие вопросы, которые необходимо решать рабочему сообществу, но уже и свои, частные, с которыми им приходилось сталкиваться как женщинам. Что интересно, в газеты, предназначенные для публикаций не состоящих в организациях анархистов (например, Cronaca Sovversiva, Бунтарские хроники), попадало намного меньше статей женщин об их роли и месте в анархистском движении, тогда как газеты организованных групп (например, La Questione Sociale, Общественный вопрос, или L' Era Nuova, Новая эпоха) печатали такие статьи охотно и часто. Так, например, одна из активных участниц Группы женской эмансипации, писавшая под псевдонимом Titi, в 1906 году опубликовала на страницах «Общественного

вопроса» целый ряд эссе под общим названием «Женщинам: Эмансипируемся!», в которых она соотносила революционные теории со своим личным, интимным опытом. Мужчины на страницах изданий тоже периодически привлекали внимание других мужчин к проблеме существования женщин в анархистских кругах. Однако, это был совсем иной взгляд на понимание женского вопроса, в фокус которого не попадали проблемы живых и реальных женщин. Акцент в текстах мужчин делался на создание с женщиной «анархистской семьи», то есть вовлечении её в общие проблемы анархизма, формировании из неё помощника мужчины. Самый пик статей женщин о своём положении в рядах анархистского движения пришёлся на 1899-1906 гг., когда редактором «Общественного вопроса» был Педро Эстеве – каталанский анархист и, кроме того, муж Марии Радо, с которым они вырастили 10 детей (удивительно, как Мария всё успевала!).

Ораторское искусство: на трибуне или на подиуме

Группа женской эмансипации в первые годы своего существования тесно сотрудничала с женскими пропагандистскими группами таких индустриальных центров, как Филадельфия и Бостон, и сообществами шахтёров Пенсильвании, Иллинойса и Вермонта. Активистки группы снова и снова обращали внимание рабочих на необходимость эмансипации женщин: «…женщина должна с большим рвением бороться за свою эмансипацию от тирании и предубеждённого отношения мужчин и от тех, кто по глупости считает женщину подчинённой и зачастую обращается с ней как с рабыней». Яркие выступления перед многочисленной аудиторией были залогом успеха распространения анархо-феминистских идей в рядах женщин рабочих и привлечения общественного внимания к женскому вопросу. Мария Радо отличилась и здесь. В 1894 году она выступила с речью на собрании, посвящённом освобождению из тюрьмы Эммы Голдман. Это выступление оказало на Голдман исключительно благоприятное впечатление – «истинный луч света для меня». Общественное мнение также приковало свой взор к Марии: тогда как многие женщины вдохновились этим выступлением, мужчины, товарищи-анархисты, обсудили проявление в Марии итальянской сексуальности. Видимо, женщины больше слушали, а мужчины больше смотрели.

Новое образование для нового человека: идеи образования Беллальмы Форцато-Специя

Следуя лозунгу, предполагающему личную активность,

«Женщина, эмансипируйся!», итальянские анархо-феминистки большое внимание уделяли женскому образованию. В Бронксе, например, они организовывали лекции, посвящённые проблемам женщин и рабочего движения. Одной из лекторш там была Беллальма Форцато-Специя – поэтесса, просветительница, революционерка, основательница книжного магазина с радикальной литературой. Беллальма Форцато-Специя большое внимание уделяла проблеме образования. В своей книге 1913 года «Современные женщины и образование с детских лет» она обращается к «дочерям рабочих», рассказывая им о важности домашнего образования и революционной роли матери в воспитании характера своих детей. Прежнее образование – «инструмент порабощения», истинное же образование, шанс на получение которого, благодаря своим матерям, могут получить нынешние дети, свободно от догм религии, патриотизма, милитаризма и капитализма. «Идёмте с нами!» - обращается Беллальма Форцато-Специя к женщинам, - «Дайте нам своих детей - бунтарей, разрушителей, мстителей, героев баррикад... И мы, наконец, сокрушим этот кровавый оплот частной собственности и на его дымящихся руинах воздвигнем красное знамя новой цивилизации, основанной на свободе и всеобщей справедливости».

Уроки живых женщин

Лица итальянок в истории анархо-феминизма оказались выразительными и запоминающимися. Осознав, что ни одна мощная организация не защитит и не выведет на первый план их проблемы, стоит им представиться не просто «анархисткой», а именовать себя «женщиной», они смело взялись за создание своей, малой, организации внутри большой, где они научились методам и способам, как заявить о своём существовании. Они создавали кружки, организовывали лекции, открывали книжные магазины, устраивали публичные выступления, писали статьи, книги и манифесты. Эти женщины оказались на передовой линии эпохи, и последующая история, в которой появилась ни много ни мало история женщин, доказывает, что они держались верного направления. Эти события происходили в США в начале 20 века, ещё до Первой мировой войны, после которой женщинам удалось выйти на рынок труда и получить некую экономическую независимость и право быть видимыми. Однако, видимо, и сейчас заданное итальянскими анархо-феминистками направление остаётся для общества актуальным. Возможно, оно останется актуальным навсегда. Освобождение – непрерывный процесс, ведь всегда найдутся те, кто захотят приписать себе властвование над человеком. И тогда можно вспомнить историю

этих женщин – уроки женщин, которые живы. «Кто те люди, те абсолютные хозяева нас, нашего счастья и нашей жизни?.. Мы эти люди, потому что именно мы санкционируем всё то, что нас порабощает».

Литература

Marcella Bencivenni, Italian Immigrant Radical Culture: The Idealism of the Sovversivi in the United States, 1890-1940 (NYU Press, 2011)

Marcella Bencivenni, The Voices of Italian Immigrant Radical Women in the United States, 1890-1930 (Communication au colloque Histoire/Genre/Migration, Paris, mars 2006)

Philip V. Cannistraro, and Gerald Meyer, eds., The Lost World of Italian American Radicalism: Politics, Labor, and Culture (Greenwood Publishing Group, 2003)

Jennifer Guglielmo, Living the Revolution: Italian Women's Resistance and Radicalism in New York City, 1880-1945 (The University of North Carolina Press, 2010)

Оля Резникова: Чечня и феминизм. Заметки о gender и race.

Вопрос о взаимосвязи трех категорий class, gender и race широко обсуждается в феминистических, марксистских теориях и в области исследования расизма. В этой дискуссии можно отсылать к классикам, таким как Антонио Грамши или Стюарт Холл, можно рассказывать о проблемах исключения как в белом[1] феминистическом движении 1970х годов, так и о сексисткой составляющей, например, движения Black Panter. В этом эссе мне бы хотелось, на основе теоретической дискуссии сформулировать несколько соображений, которые как мне кажется, должны быть важными для российской левой контр-культуры. Мы наблюдаем сегодня с одной стороны рост критики патриархата, религиозных представлений и капиталистической структуры общества, с другой стороны эта критика, к сожалению, часто сопровождается расистскими, шовинистическими, гомо- и трансфобными представлениями. Как мне кажется, это связано не столько с программой конкретных групп и движений и не только с наследием 70летней контрреволюции, которое, конечно, содействует размыванию таких важных понятиях как империализм или угнетение женщин, называя правящих большевиков антиимпериалистами или советских женщин эмансипированными. Попробуем посмотреть на проблему со стороны пост-колониальных теорий, которые часто имеют дело с подобными сплетениями, противоречиями и исключениями.

Само понятия postcolonial подразумевает, естественно, колониализм, то есть, говоря этим языком, я констатирую наличие и значимость советского и российского колониализма для создания современного расизма и сексизма. О колониализме сильно спорили левые несколько лет до революции 1917го года и 5 лет после, потом о нем не говорили в центре империи и не очень много говорили на периферии. Тема эта всплыла в 1944-45, в 1968, и в измененном виде в 1989 годах. А в новейшей истории она стала особенно актуальной в 1993-95 и потом в 1999 - 2001 году. Все же очень редко, даже левые активист_ки называют сегодня, например, чеченскую войну колониальной. Для этого есть несколько причин, во-первых, это левая традиция противопоставления европейского империализма и советского «социализма», во-вторых это серьезное структурное различие между колониализмом Российской Империи (и ее приемников) и колониальной политикой Западной Европы (в первую очередь Англии, Франции и Германии) при анализе которой и возникла пост-колониальная школа.

Остановимся на этом аспекте и попробуем перечислить основные структурные отличии «классической» от российской (советской) колонизации: 1) Создание российского национального государства происходило в 18-19 веке в непосредственной близости к местам его военной, экономической и культурной экспансии. Это создало, с одной стороны, довольно широкий диапазон бюрократических категорий жителей империи, а значит и расистских конструкций. С другой стороны, в российских дискурсах сплетение таких понятий как «нация» и «народ» не играла такой значимой роли как в западной Европе. 2) Основные цели колониальной политики были скорее геополитической природы, и только во вторую очередь экономической. 3) Вскоре после революции 1917 года имперская колонизация, ее эксплуатационный характер и культурная экспансия были переняты советской централизованной властью (пусть и с другой риторикой). Пост-советская элита декларировала себя легитимным последователем СССР, при этом переняла колониальное наследие, риторику и практику, в первую очередь в отношении Северного Кавказа. 4) Важно учитывать и особенности структуры российских дискурсов о «национальной идентичности», которые складывались не только при использовании субальтерного[2] чужого («кавказца», «узбека», «чукчи»), но и (иногда в первую очередь) через конструкцию «себя», как чужого Европы. Часто это само-ориентализация использовалась(ется) для легитимизации имперской колониальной политики. 5) Кроме того даже со стороны колонизированного субъекта, «сепаратистское движение» 1990х годов часто не получало и не получает широкого признания. Так что прямые параллели с

движениями по деколонизации от других бывших империй (Алжир, Индия итд) довольно проблематичны.

Все это затрудняет развитие пост колониальной дискуссии в России. Но так как понимание и рефлексия колониальных преступлений даже после последних войн на Кавказе в российских дискурсах почти не представлены, мне кажется важным и возможным обсуждать колонизацию РИ, СССР и РФ с позиции таких аналитических понятий как «колониальный центр» - «колонизированная периферия» и «маркированный» - «доминантный» субъект. Такой подход делает возможным проводить анализ расизма в современной России с точки зрения созданного в 19 веке колонизированного субъекта с одной, и «российского гражданина» с другой стороны, что очень важно для всестороннего анализа и коллективной рефлексии системы привилегий и стигматизаций в обществе. А это особенно актуально в сегодняшний момент, когда критика современной политической элиты способна мобилизовать большое количество людей недовольных эксплуатационным характером коррумпированного капитализма в России, но редко задающихся вопросом о собственных привилегиях и участии в угнетении «других» в обществе.

Понятие российского гражданина создается не только на основе расистского исключения[3], но и гендерного. То есть, колонизация и конструирование нации создали с одной стороны негражданина: «черного», «дикого», «гордого» чужого (например, чеченца), с другой стороны негражданку: белую, заботливую мать, с женским телом, символизирующее нацию - родину. С этим связаны довольно серьезные формы исключения, такие как в первом случае - лишения целого арсенала привилегий для группы лиц, вплоть до таких как право на жизнь (уничтожение жилых кварталов в Грозном) или повседневное лишение права на свободу передвижения (закон о прописке). А для тех, кто в результате nation-building был_а назван_а женщиной - важным эффектом исключения стал отказ в праве на свободное использование своего тела, криминализация женской сексуальности итд. Кроме этих двух, есть третья группа непосредственно связанная с практикой исключения - это колонизированные женщины. То есть это группа лиц, которая с одной стороны маргинализирована центром как черные (например, чеченки), и в тоже время со стороны расифицированной мужской группы (чеченцев) они сконструированы, как женщины. Важно понимать, что эти две формы исключения этой группы связаны между собой. Очевидно, что античеченский расизм порождает угнетение женщин внутри группы и наоборот: угнетение женщин в Чечне часто используется для расистского исключения чеченцев из российского общества. Разным формам исключения

они подвергаются, в том числе, и со стороны того дискурса, активной частью которого является не только либеральная, но и левая, и феминистская политическая контр-культура сегодняшнего протеста.

В контексте серьезного кризиса репрезентации современной правящей политической элиты образуются «независимые» коалиции в вопросах репрезентации и критики (не)легитимности власти. В этом есть политический смысл, но один из эффектов этого процесса оказывается совместная разработка и закрепление «позиции говорящего»[4]. Этические нормы «хорошей», «честной политики» часто сливаются с этНически интонированными понятиями: «наши», «другие», чужие. Это не только теоретическая дискуссия о претензиях на русскую гегемонию в российском обществе или о понятии гражданственности и его границах. Дискурс о «чеченской коррупции» или о «нелегальной (им)миграции»[5] касается конкретных социальных гарантий и вероятности физического насилия по отношению к конкретным людям. Так сегодняшний протест, в том числе и антикапиталистский, и феминисткий, сформулирован с позиции колонизатора («мы»), который является наследником колонизатора царской империи и советского империализма. Гегемонная группа6 захватывает себе право разделение на своих и чужых по этническому признаку, что создает две категории жителей: граждан и неграждан. Говоря, например, об отделении Кавказа или о угнетении женщин на «юге России» чеченцы и чеченки, ингуши и дагестанки лишаются гражданственности. Безгражданственность: это с одной стороны отчуждение, что выражается в обесценивание жизни[7], с другой стороны они еще более чем другие группы подвержены произволу власти и ее бюрократии.

Проекции, связанные с положением чеченской женщины, которая находится между колониальными дискурсами и мужской доминантностью в строгом гетеронормативном представлении о сексуальности, можно проследить на примере дискурса как о головном платке, так и о вине женщины в сексуальном насилии или о роли женщины в установлении мира и гармонии в Чечне. Важно при этом не рассматривать ее как жертву, то есть воспроизводить пассивную роль объекта, а пытаться понять и поддержать активную борьбу, которую ведут конкретные люди в конкретных ситуациях. Так, по мнению пост колониальной феминистки Chandra Talpade Mohanty очень важно для современного европейского феминизма по новому структурировать гендерные категории в геополитическом смысле. Гендерные отношения не одинаковы в разных пространствах и местах, а являются результатом социальных, политических и исторических конфронтаций и борьбы. На основе этого соображения мне

кажется, что феминистки для всестороннего анализа категории гендер в постсоветской России должны учитывать свой привилегированный статус по двум другим категориям исключения class[8] и race, а также интересоваться и поддерживать феминистическую борьбу, основанную на других категориях гендера, на колониальной периферии.

Примечания:

1) Такие понятия как белый, черный, женщина, мужчина и др. я обозначаю в тексте курсивом, чтобы подчеркнуть их сконструированный характер.

2)Понятие субалтерности ввел в политические теории - итальянский марксист Антонио Грамши, подразумевая при этом социальные группы, не обладающие привилегией относится к «гражданскому обществу», не обладающие культурным и социальным капиталом. Пост-колониальные теоретики (Франц Фаннон, Стюарт Холь, Хоми Бхаба и др) используют это понятие для обозначения глобального севера и глобального юга и, связанные с этим разделением, неравества. В российском контексте понятие субальтерности редко обсуждается, я предлагаю проводить анализ исключения по оси центр - периферия; нормативность – отклонение, не забывая о сконструированной характере этих категорий.

3) В традиции Франца Фанона, Стюарта Холя, Хоми Бхаба и др. я понимаю расизм и конструкции рас как продукт колониальной политики.

4) Концепт о «позиции говорящего» отсылает к Мишелю Фуко. Фуко говорит о дискурсах, как о самостоятельных властных структурах, но их анализ возможен только при тщательном анализе перспективы или позиции говорящего, его участия в дискурсе, социальный статус, степени угнетения итд.

5)Левые ответы на откровенно расистские выпады правых и право-либеральных оппозиционеров тоже часто не ставят под сомнение само понятие «национального государства», «границы» или понятие «иностранца». Часто активист_ки аргументирует примерно в таком ключе: «да, это, к сожалению, большая проблема, нелегальная миграция, но виноваты в этом не сами мигранты, а работодатели. Если мы отвоюем тарифные гарантии на минимальную заработную плату, то и мигранты приезжать не будут, потому что у них не будет возможности работать за нищенскую зарплату». Это аргументация, хотя и признает социальные причины трений между рабочими, не пытается анализировать собственные конструкции о справедливости, солидарности, вопрос о национальной составляющей нашего мышления итд.

6) Грамши понимает «гегемонию» как возможность распространения своих интересов, при этом он рассматривает гегемонию пролетариата (субальтерных) как возможную, только в случае, если она будет распространяться не столько силой, но и путем влияния на «гражданское общество». Последователи Грамши используют понятие гегемонии часто как антоним субальтерности, подразумевая в зависимости от контекста, гетеронормативное, западноевропейское, неолиберальное или буржуазное господство.

7)Юдит Батлер называет процесс полного обесценивания жизни субальтерных - «неоплакиваемостью», подчеркивая тем самым особый статус оплакивания смерти в признании жизни ценной.

8) Вопрос о переплетении классового и гендерного исключения должен обсу-

Структурное насилие

Автор термина норвежский социолог Йохан Галтунг считает, что структурное насилие в современном обществе является ничуть не менее распространенным и создает условия для проявления прямого насилия. Насилие встроено в саму социальную структуру и выглядит как неравные жизненные возможности, ограниченный доступ к ресурсам, образованию, медицине [1].

По мнению специалиста по психологии насилия Сергея Ениколопова, структурное насилие – это то, чем занимается государство [2]. Как правило, это:

- эксплуатация такого типа, когда нижестоящие могут быть ущемлены настолько, что умирают от голода и болезней;
- эксплуатация такого типа, когда нижестоящие могут оказаться в состоянии постоянной нищеты, включающем недоедание и болезни;
- внедрение в сознание, ограничение информации;
- маргинализация, разобщение общества.

Нарушение техники безопасности на производстве, загрязнение окружающей среды, неравенство поддерживается государством через социальные институты и структуры. Государство придает структурному насилию легитимную форму также через культурные механизмы: как справедливое средство достижения целей и решения возникающих проблем, необходимый и устоявшийся в обществе социальный уклад. Усиливая веру в неизменное через религию, которая призывает всех к покорности и смирению. В итоге структурное насилие зачастую не осознается в обществе как насилие. Неравное распределение благ обычно списывается на различия в способностях, низкий уровень запросов, безответственность, беспомощность, лень и асоциальное поведение.

Вместо эмпатии и концепции ненасилия, стремления к искоренению нищеты и безграмотности осуществляется массовая "промывка мозгов". С помощью стратегий контроля и управления происходит закрепление культурных моделей и поведения, задающих социальную идентичность индивидов в рамках государственных идеологий.

Любые зачатки движения за освобождение от угнетения, будь то митинги и различные акции, преподносятся как подконтрольные западу массовые беспорядки и хулиганство, признавая насилием лишь действия, направленные против самого порядка управления (статьи 317,318 УК и пр.).

Запрещая любую автономность и не предоставляя другого пути развития событий кроме как зависимости от машины власти. В то время, когда сама структура насилия поддерживается государством и ее следы в обществе повсюду. Начиная от скрытого воздействия до последних резонансных проектов:

-ФЗ "Об образовании" - представляющий образование как привилегию;

-Антимагнитский «Закон Димы Яковлева» - использующий детей-сирот в качестве разменной монеты в политических войнах;

-"О запрете пропаганды гомосексуализма среди несовершеннолетних" - включающий зеленый свет для дискриминацию людей по признаку однополой любви и секса;

-"О защите религиозных чувств" - узаконивающий религию как единственно верную идеологию;

-законопроект "О недопустимости злоупотребления свободой слова в СМИ" - неприкрыто ограничивающий свободу слова;

-закон "О прописке" - как средство запугивания людей в их потребности в свободе передвижения

и ряд других, непрерывно стравливающих людей друг против друга, народ и мигрантов, гетеросексуалов и ЛГБТ, религиозных и атеистов, мужчин и женщин, еще больше разобщая общество.

Продолжающаяся приватизация, развал науки, образования, медицины, производства, принудительный призыв в насильственную армию происходит против воли основных слоев населения и представителей социальных групп, инициируемый лишь небольшой группой заинтересованных лиц. При этом широкие массы остаются ничем не защищенными.

Попытки государства временно нивелировать, свести на нет проблемы общества проводятся через организацию праздничных и спортивных мероприятий как некогда в Древнем Риме были популярны бои гладиаторов (с целью смещения агрессии от первопричины фрустрации). Внедряется всё большее количество PR-специалистов в государственную деятельность. Тем не менее, распространение культуры насилия (на уровне религии и идеологии), поддержание неблагоприятных условий жизни, в конечном счете, вызывают отклоняющееся поведение: агрессию по заданию (через подчинение авторитетам), аутоагрессию (суициды), инструментальную агрессию как средство достижения целей (воровство), косвенную агрессию в замаскированной форме (сплетни, доносы), прямое насилие и другие формы агрессии и насилия.

Когда социальных психологов Стэнли Милгрэма и Дэвида Майерса спрашивали, что из себя представляет тот или иной человек, они всегда уверенно провозглашали: "Всё зависит от ситуации" [3]. В проводимых социальных экспериментах прослеживается каким образом нормальный, здоровый человек под воздействием ситуации приходит к ненормальному, патологическому поведению (Стэнфордский тюремный эксперимент Филиппа Зимбардо, эксперимент Милгрэма), подвергается конформистскому влиянию групп (эксперимент Аша):

- В эксперименте Милгрэма испытуемый повиновался указаниям авторитета и продолжал наносить удары током второму участнику, не смотря на его стоны и просьбу прекратить эксперимент. До конца эксперимента доходили около 65% испытуемых, при этом они осознавали всю опасность электрического тока, но доводили напряжение до максимума (от 15-450 вольт).
- Стэнфордский тюремный эксперимент, в ходе которого участники испытали сильнейший эмоциональный шок, был прерван раньше времени и признан неэтичным. Использованные в ходе эксперимента методы повторяли тактику, подобную в американских тюрьмах. В имитируемой тюрьме испытуемые так сильно вжились в образы охранников и заключенных, что выдавали поведение характерное для этих ролей. Охранники стали пользоваться предоставленной властью: проявляли садистское поведение, жестокость и издевательства. В результате несколько заключенных были освобождены досрочно из-за сильной эмоциональной депрессии, плача и острой тревоги. Подобные изменения в поведении происходили не смотря на первоначальный отбор наиболее здоровых и психологически устойчивых лиц.
- В эксперименте Аша участникам демонстрировались простые линии, из которых необходимо было выбрать одинаковые по размеру. В начале эксперимента звучали верные ответы, но на следующем этапе каждый неправильный ответ подставных участников приводил испытуемого в сильное замешательство. В итоге 75 % испытуемых подстраивались под заведомо ошибочное представление большинства.

Похоже, что ситуация воздействует на большинство людей сильнее, чем внутренние особенности, личность человека. При этом культурное насилие создает условия для проявления структурного, а структурное насилие - для прямого.

В противовес культуре насилия (и ее оправдания) психологами мира разрабатываются методы ненасильственного решения конфликтов путем создания благоприятных условий для жизни. Благодаря первоначальным идеям Галтунга, когда наносящие вред социальные ситуации со стороны государства станут рассматриваться как форма насилия, борьба с другими формами насилия приобретет большую полноту за счет достижения позитивного мира путем противодействия структурному насилию.

Примечания:

1. Johan Galtung, "Violence, Peace, and Peace Research," Journal of Peace Research 6, no 3 (1969): 171
2. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. №2.
3. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс

Вред гендерного воспитания

Мы всегда удивляемся, почему некоторые девушки искренне считают, что им предназначена «женская доля»: хранить домашний очаг, быть терпеливой, кроткой и верной мужу. Это не потому, что они узколобые или ни на что больше не способны. Это прежде всего потому, что нам образ идеальной женщины навязывается с детства, и не только в семье. Ведь не все наши мамы забитые домохозяйки, а отцы – занятые тираны. Но гендерные стереотипы прививались нам всем со школьной скамьи, и даже раньше. Как только традиционные родители узнают пол ребенка, они покупают ей/ему розовую или голубую одежду. Из игрушек мальчикам покупают конструкторы, пистолетики, даже игрушечные гранаты и автоматы. Девочкам покупают куклы, наборы для чаепития, косметички и игрушечных младенцев с колясками. Пока маленькие девочки катают коляски, а в перерывах изображают сплетниц с розовыми чашечками, мальчики стреляют друг в друга и играют в монополию.

Нас, девочек, упрекают, когда мы ведем себя слишком буйно или повышаем голос, и даже просто за то, что при сидении наши ноги недостаточно сдвинуты друг к другу. Нам внушали, что наши интимные части тела – это что-то грязное, чего нужно стыдиться, наши месячные – выделения, о которых нельзя никому знать и говорить, а секс до свадьбы, да и вообще секс – это безнравственно. А мальчики же подрастали гордясь своим «мужским достоинством», «силой» и независимостью. Их учили не прогибаться под других и отстаивать свое мнение, тому, что быть в чем-то хуже девочки – унизительно. Нас же учили стыдиться своего тела, да и вообще, многого, стыдиться. Поэтому, например, ранняя потеря девственности для девушки в общественном сознании – повод для стыда, а для мужчины – гордости.

В школе у нас были труды, где девочек учили готовить и шить, а мальчиков – если честно, я даже не знаю, что они делали, я и не видела.

Давайте вспомним, что мы читали? Этот список литературы сформировал куча «филологических дев», среди которых не обязательно девушки-филологи, а просто девушки, которые любят читать. Проблема в том, что нам не только навязывалась та часть классики, где описаны образы традиционной женщины, нас учили почитать эти образы, возвышать. Какой учитель не внушал нам, что Татьяна из «Евгения Онегина» - замечательная, и во всем лучше беззаботной Ольги? Кто не возвеличивал ее кротость, ее отказ от любви из преданности новому, нелюбимому мужу?

Мальчиков заставляли зубрить письмо Онегина к Татьяне, а нас – письмо Татьяны, со своим «Теперь я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать.» Мы все писали сочинение о самоубийстве «Бедной Лизы», и думали, что это и есть поступок настоящей, искренне любящей женщины. «Вечная, вечная Сонечка! Пока мир стоит!» - восклицал Достоевский, имея в виду вечность подобного рода подвигов, о Сонечке Мармеладовой, которая продавала свое тело, чтобы защитить от нищеты своих родителей.

И как же трогательно учителя рассказывали о том, какая чуткая душа у сестры Раскольникова Дунечки, которая выходила замуж за нелюбимого и покровительственного человека, чтобы спасти от нищеты своих мать и брата. Мы писали эссе о сборнике «Русские женщины» Некрасова, рассуждали о том, кто же такая «тургеневская девушка», нам рассказывали о женах декабристов, умалчивая, что многие из них пошли на каторгу не тупо «за мужем», а из преданности тем же идеям... Все эти классики воспевали этих рабынь, заражали нас восхищением и считали женский вопрос надуманным.

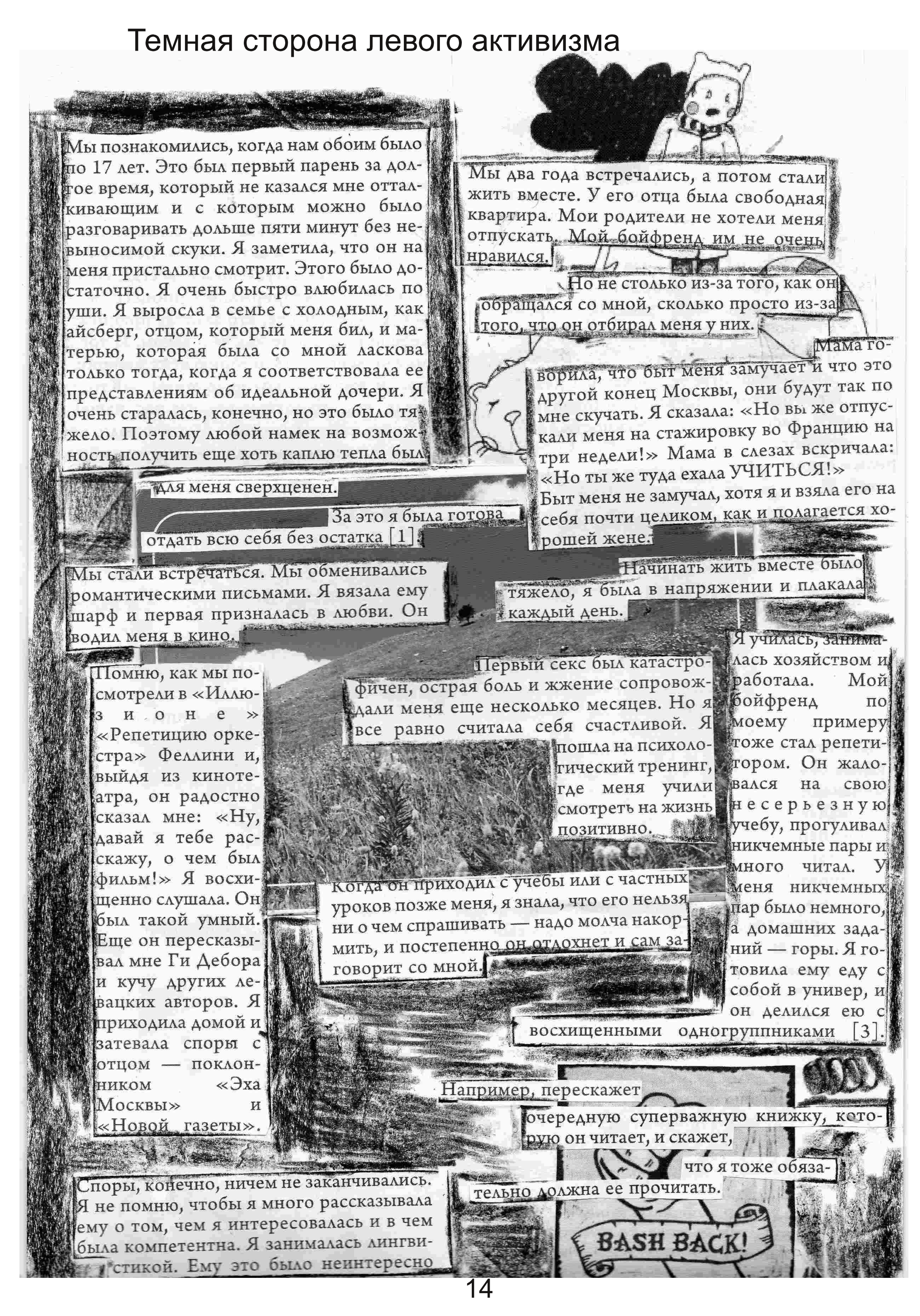
Считалось вполне естественным то, что почти каждый женский образ был объектом внешних обстоятельств, объектом властности, страсти или холода мужчины, а не личностью с самостоятельными действиями и поступками (кроме Веры Павловны из «Что делать?», но этот роман был слишком труден для восприятия для большинства старшеклассников). Школьная программа вообще не менялась в течение десятилетий, кроме того, что в советское время было больше писателей-идеологов, которые мало чем прогрессивнее.

В общем, эти объекты-героини становились примерами для подражания, что привело к самообъективации школьниц, мировоззрение которых только формировалось. Жертвенность и терпение позиционировались ими как главный критерии любви, и жаждая ее и взрослея, они теряли свою независимость в отношениях с мужчинами. Сначала они гордо несли свою «женскую долю» приписывая ей чуть ли не святость, преподнося ее как высшую степень благородности. Страдая, они думали, что они жертвы любви. Что пока они жертвы, они действительно любят.

Но находясь в отношениях, они - жертвы стереотипов, системы, недостойных мужчин, которые их не ценят, и страха одиночества. А дальше – больше. Они терпят шуточки про кухню и женскую логику, оскорбления, которые перерастают в эмоциональное насилие, а иногда и физическое. А потом они понимают, что ни о какой любви не может быть и речи, что они приписывали большое значение бесполезной бредятине. Вот как заканчивается путь девочек, которые играли в барби и кухню, если к ним не успеет прийти озарение.

«Ведь если о такой любви писали великие классики, писали так красиво и трогательно, как же она может быть иной?» - задумывались романтично настроенные школьницы. Нужно спасать наших младших сестёр от самообъективации и мозгопромывания этих традиционных программ обучения и устаревших методов воспитания. Нужно говорить с ними, читать им Цветаеву, сестер Бронте, Жорж Санд, а когда подрастут, и Эмму Голдман ;). Учить их ценить, уважать себя и принимать себя такими, какие они есть. Учить женской солидарности и состраданию к другим, а не самому страданию. И пусть к ним придет чистая и искренняя любовь, где есть свобода и уважение, а не одержимость и мазохизм.

LENTANO | SPLIT 7-INCH

Мы познакомились, когда нам обоим было по 17 лет. Это был первый парень за долгое время, который не казался мне отталкивающим и с которым можно было разговаривать дольше пяти минут без невыносимой скуки. Я заметила, что он на меня пристально смотрит. Этого было достаточно. Я очень быстро влюбилась по уши. Я выросла в семье с холодным, как айсберг, отцом, который меня бил, и матерью, которая была со мной ласкова только тогда, когда я соответствовала ее представлениям об идеальной дочери. Я очень старалась, конечно, но это было тяжело. Поэтому любой намек на возможность получить еще хоть каплю тепла был для меня сверхценен.

За это я была готова отдать всю себя без остатка [1].

Мы стали встречаться. Мы обменивались романтическими письмами. Я вязала ему шарф и первая призналась в любви. Он водил меня в кино.

Мы два года встречались, а потом стали жить вместе. У его отца была свободная квартира. Мои родители не хотели меня отпускать. Мой бойфренд им не очень нравился.

Но не столько из-за того, как он обращался со мной, сколько просто из-за того, что он отбирал меня у них.

Мама говорила, что быт меня замучает и что это другой конец Москвы, они будут так по мне скучать. Я сказала: «Но вы же отпускали меня на стажировку во Францию на три недели!» Мама в слезах вскричала: «Но ты же туда ехала УЧИТЬСЯ!» Быт меня не замучал, хотя я и взяла его на себя почти целиком, как и полагается хорошей жене.

Начинать жить вместе было тяжело, я была в напряжении и плакала каждый день.

Первый секс был катастрофичен, острая боль и жжение сопровождали меня еще несколько месяцев. Но я все равно считала себя счастливой. Я пошла на психологический тренинг, где меня учили смотреть на жизнь позитивно.

Я училась, занималась хозяйством и работала. Мой бойфренд по моему примеру тоже стал репетитором. Он жаловался на свою несерьезную учебу, прогуливал никчемные пары и много читал. У меня никчемных пар было немного, а домашних заданий — горы. Я готовила ему еду с собой в универ, и он делился ею с восхищенными одногруппниками [3].

Когда он приходил с учебы или с частных уроков позже меня, я знала, что его нельзя ни о чем спрашивать — надо молча накормить, и постепенно он отдохнет и сам заговорит со мной.

Помню, как мы посмотрели в «Иллюзионе» «Репетицию оркестра» Феллини и, выйдя из кинотеатра, он радостно сказал мне: «Ну, давай я тебе расскажу, о чем был фильм!» Я восхищенно слушала. Он был такой умный. Еще он пересказывал мне Ги Дебора и кучу других левацких авторов. Я приходила домой и затевала споры с отцом — поклонником «Эха Москвы» и «Новой газеты».

Например, перескажет очередную суперважную книжку, которую он читает, и скажет, что я тоже обязательно должна ее прочитать.

Споры, конечно, ничем не заканчивались. Я не помню, чтобы я много рассказывала ему о том, чем я интересовалась и в чем была компетентна. Я занималась лингвистикой. Ему это было неинтересно

Я послушно запихивала Бурдье или Фуко в свою сумку, забитую конспектами и учебниками, и засыпала над ними в метро, не в силах продраться через дебри непривычного текста. Зато хоть с Майнхоф и Кагарлицким дела обстояли чуть лучше.

У него появились друзья — левые активисты. Постепенно он сам стал заниматься активизмом,

и я, конечно, тоже.

Он стал знакомить меня со своими друзьями. Я мило улыбалась им и молчала.

Я точно знала, что мне нельзя открыть рот

— я ведь так и не прочитала ни Маркса, ни Фуко, ни Делеза с Гваттари. Я действительно считала себя глупой, очень боялась этих начитанных леваков-интеллектуалов и бесконечно переживала, что они видят во мне только разряженную куклу.

Потому что мой бойфренд очень тщательно подходил к тому, как я выгляжу. Он покупал мне одежду. Сама покупать одежду я не рисковала — боялась, что он не одобрит. Он настаивал, чтобы я одевалась по хипстерской моде, носила каблуки и делала всегда одну и ту же высокую прическу [4]. Она мне надоедала, я пыталась распускать волосы. Тогда мы ссорились. Я плакала. Один раз я пошла в парикмахерскую и попросила постричь меня «под мальчика», чтобы устранить предмет споров. Он не ругал меня, но холодно заметил, что новая стрижка мне не идет. Мне и самой так казалось. Сейчас, пять лет спустя, я снова хожу с такой стрижкой, и все знакомые в один голос говорят, что именно она мне очень идет.

Тем не менее, я продолжала считать себя счастливой, бесконечно любить своего избранника и восхищаться им. Я ждала, что он вот-вот предложит мне пожениться официально, и мечтала о детях. Но вместо этого через полгода нашей совместной жизни он сказал, что больше меня не любит.

Я подумала, что это конец света.

Но оказалось, что не конец и он, парадоксальным образом, готов продолжать жить вместе. Не то чтобы он передумал — скорее,

был просто согласен меня терпеть.

С этого момента такие разговоры повторялись довольно регулярно, я каждый раз чувствовала невыносимый ужас и отчаяние и, конечно, после этого с удвоенной силой старалась быть идеальной подругой [5]. Я снова читала книжки по популярной психологии — тайком от него, потому что он популярную психологию решительно не одобрял — и спрашивала на психологических форумах, как заново влюбить в себя охладевшего партнера. Больше посоветоваться мне было не с кем, потому что отношения с подругами у меня как-то не ладились — мне казалось, что их отталкивали мои левые взгляды. К тому же, мой бойфренд за глаза высмеивал моих подруг, так что мне после этого было и стыдно с ними общаться [6].

На психологических форумах мне давали идиотские советы — например, сохранять позитивный взгляд на мир, — но, как ни странно, и неплохие тоже — например, заниматься чем-то своим, чтобы быть интересной личностью, тогда будет шанс стать интересной для него.

Ну и вообще учиться себя ценить.

Мне к этому моменту уже было невероятно трудно себя ценить, ведь я твердо усвоила, что у меня нет вкуса ни в одежде, ни в музыке, ни в кино и литературе, что моя профессия никчемная и тупая, а единственные стоящие занятия на свете — это философия и левая политика, то есть то, чем занимается он [7]. Но все-таки я уже очень

устала быть мишенью его бесконечного раздражения.

После очередного его гневного выговора я предложила ему расстаться. Он согласился, что это, наверное, разумно. Я очень спокойно собрала вещи и уехала к родителям.
Он позвонил мне на следующий день в слезах, сказал, что совершил ошибку, что ему без меня плохо, и просил вернуться. Я была готова сорваться и ехать. Мать посоветовала мне сохранять достоинство. Я совершила невероятное усилие над собой и предложила ему встретиться в кафе рядом с моим универом. Там мы с ним вели переговоры. Я сказала, что готова вернуться, если он будет проявлять больше внимания ко мне. Он сухо ответил: «Ну, пылинки я с тебя сдувать не буду». По моим щекам текли слезы, но я сказала: «Ну, значит, нам не о чем говорить», — и встала, чтобы уйти. Он сказал: «Подожди!» Мы снова стали встречаться, ходить на выставки. Он снова был прекрасным романтичным ухажером. Я выдержала три недели и вернулась к нему с вещами.

После этого очень быстро все стало по-старому. Упреки, придирки, раздражение и холодность.

Потом мы отмечали новый год в гостях у друзей-хипстеров. В какой-то момент он сидел на диване, обнимая за плечи двух наших общих подруг, и кто-то из гостей сказал мне: «Как ты к этому относишься?» — «Все в порядке, — ответила я, — я ему полностью доверяю». К тому же, я до этого уже много раз ему говорила, что я совершенно не против того, чтобы у него были другие девушки. А я сама буду сохранять ему верность, просто потому что мне больше никто не нужен. Я старалась быть очень прогрессивной, как и полагается левой активистке.

Через пару дней он поехал в гости к другу. Вернулся домой в два часа ночи и почему-то не подходил ко мне ближе, чем на полметра. «Ты правда встречался с другом?» — на всякий случай спросила я. «Нет», — признался он и рассказал, что был на свидании. С девушкой, с которой он познакомился два дня назад в гостях у друзей-хипстеров. Я была очень спокойна. Я сказала, что рада за него, и спросила, хочет ли он, чтобы я уехала.

Он сказал, что да.
Истерика случилась со мной только через сутки. Больше всего меня мучало то, что эта девушка была моей полной противоположностью. Я была тихой и застенчивой, она — экспансивной и шумной хохотушкой. К тому же она училась на каком-то пафосном буржуазном юрфаке и ни черта не понимала в левой политике.

Оказалось, что я зря все эти годы проникалась его интересами — для него это оказалось совершенно неважно. На мою истерику он отреагировал возмущением: как я могу его обвинять? [8].

На прощание он попросил меня не рассказывать моим родителям и общим знакомым, что он бросил меня ради другой девушки, потому что это могло бы выставить его в дурном свете. Я пообещала и действительно очень долго никому этого не рассказывала.

Мы остались друзьями. А тот его приятель, у которого он якобы был тогда в гостях, сказал мне: «Жаль, что теперь, когда вы расстались, ты уйдешь из левой тусовки». Я очень удивилась (оскорбиться мне в голову не пришло). Я не собиралась уходить ни из тусовки, ни из активизма.
Мне казалось, что у меня в груди огромная выжженная дыра. Но я держалась, как ни странно, на внушенном с детства родителями убеждении, что, хотя любимый мужчина — это очень важно, но все-таки это не самое главное в жизни. Мне надо было закончить учебу, несмотря на то, что я считала свое образование ненужным и глупым. Но это было единственное, что у меня оставалось, — учеба и, конечно, активизм.

Мне трудно поверить, что с тех пор прошло всего три года. За это время я заинтересовалась феминизмом и выяснила, что это совсем не буржуазная придурь, как объяснил мне когда-то мой бойфренд. Я перестала обесцвечивать волосы и носить неудобную одежду.

Я учусь гордиться своими достижениями, беречь себя и заботиться о себе.

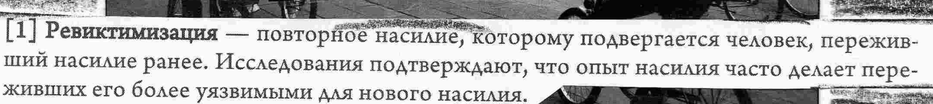
Я перестала реветь в подушку каждый месяц, у меня прошли панические атаки и головные боли.

Я перестала бояться выражать свое мнение, даже если я не читала тех книг, которые читали мои собеседники.

У меня появились собственные интересы и вкусы, которых я больше не стесняюсь. Я даже снова полюбила свою специальность.

Я даже — невероятно — научилась преодолевать свой страх огорчить или разозлить партнера и стала отказываться от секса, когда мне его не хочется [9].

И что, наверное, самое важное, у меня появились по-настоящему близкие люди — мои подруги, которые меня принимают и поддерживают, но не пытаются контролировать.

Аня Двор

[1] **Ревиктимизация** — повторное насилие, которому подвергается человек, переживший насилие ранее. Исследования подтверждают, что опыт насилия часто делает переживших его более уязвимыми для нового насилия.

[2] Один из характерных признаков психологического насилия — подчеркнутое равнодушие к жизни партнерши/а, склонность обесценивать ее/его занятия, интересы, мнения, требование постоянного внимания и интереса к собственной жизни.

[3] **Двойной рабочий день** — ситуация, когда помимо оплачиваемой работы и/или учебы женщина занимается неоплачиваемым домашним трудом.

[4] **Контроль над внешностью другого человека** — яркий пример нарушения личных границ, что является сутью психологического насилия.

[5] **Цикличность** — важная черта домашнего насилия. После акта насилия (скандала, избиения, изнасилования) насильник может просить прощения, проявлять нежность к жертве, делать ей подарки и т. п., некоторое время он спокоен и неагрессивен, но постепенно становится все более враждебным, затем совершает новый акт насилия, и цикл повторяется.

[6] **Изоляция** — одно из характерных проявлений домашнего насилия. Насильник стремится лишить свою жертву значимых и дающих ей поддержку отношений с другими людьми. Иногда это делается через прямой запрет общаться с родственниками и друзьями, иногда в ход идут более тонкие тактики, например обесценивание близких жертвы, подрыв ее доверия к ним.

[7] **Заниженная самооценка** — одно из самых частых последствий насилия.

[8] **Игра в жертву** — тактика психологического насилия, когда насильник «выворачивает ситуацию наизнанку», представляя себя жертвой, а свою жертву — агрессором.

[9] Разные виды насилия часто сопутствуют друг другу. Принуждение к сексу при помощи демонстративных обид и манипуляций — это одновременно и психологическое, и сексуальное насилие.

Женщины моего поколения, в большинстве своём, вошли в брак с убеждением, что терпеть побои — неприемлемо. У меня и моих подруг были весьма показательные разговоры с женщинами на 20-40 лет старше, для которых подобный взгляд на жизнь был революционным. Выдавая покоробившиеся от времени установки за накопленную годами мудрость, они совершенно серьёзно вещали про «надо терпеть», «женская доля», «бьёт – значит, есть за что», «будь хитрее», а совсем пожилые извлекали замшелое и скверно пахнущее «бьёт – значит, любит».

И, тем не менее, я, как и многие мои подруги, не только не смогла избежать насилия в браке, но даже долгое время не понимала, что ему подвергаюсь. Равно как и наши партнёры-абьюзеры совершенно искренне не понимали, что совершают насилие (впрочем, неизвестно, отказались бы они от него, если бы осознавали, что делают — не будем смотреть на этих ребят сквозь розовые очки).

Я угодила в эту ловушку не сразу — у меня отсутствовал опыт наблюдения за насильственными отношениями между родителями. Они были в разводе уже очень давно, отца я видела редко, он жил в другом городе. Поэтому меня засасывало потихоньку. Сначала я ещё понимала, когда и от чего мне плохо. Я пыталась что-то сделать с этим: говорила с мужем, советовалась с родственницами и приятельницами. Проблема была в том, что мой муж не пил, не бил, деньги приносил. Эти три кита успешно поддерживали стратегию Всеобщего Соучастия. Мне отказывали в помощи даже чисто эмоциональной — в виде сочувствия. Муж разражался монологами на тему самавиновата и надоработатьнадсобой. Хор ему подпевал, добавляя: «ты не имеешь права чувствовать, что тебе плохо». Сначала это сердило. Однако вдумчиво-терпеливое объяснение одного, никак не вязавшееся в моём тогдашнем представлении с поведением абьюзера, и стойкость и последовательность многочисленных вторых не оставляли мне шанса. Редкая девушка в 18-19 — именно во столько я «сломалась» — способна твёрдо решить, что она права, даже если сто человек вокруг сошли с ума и несут

В конце концов, в нас с детства вбивается: много людей сразу не могут быть не правы. Не выбивайся из коллектива. И, да: не пьёт, не бьёт, деньги носит — равно хороший по умолчанию, не важно, что прилагается к этому набору.

То, что мой муж не бил меня, не значит, что он не заставлял меня испытывать физическую боль. После неудачных родов у меня сломался таз. В роддоме это не заметили. Я была слишком занята ребёнком, чтобы дойти до врача и тем более лечь в больницу. В этом плане мне не на кого было надеяться. Особенно на родственниц.

Я просто жила с болью, научилась с ней сосуществовать так, чтобы она беспокоила меня минимально. Для этого надо было избегать долгого нахождения в одной позе, особенно в позе сидя. Естественно, я сообщила мужу об этом. Естественно, я говорила прямо, потому что боль была слишком сильная, чтобы деликатничать и намекать. Естественно, он проигнорировал. Несомненно, для человека цивилизованного такое должно быть противоестественно.

Но вся собранная мною информация о чужом опыте, вкупе с опытом моим личным, говорит о том, что в нашем, российском, обществе такое поведение естественно. Мужчина игнорирует информацию, когда хочет её игнорировать. Отсюда и феномен, известный как «пиление» — когда женщина вынуждена раз за разом доносить сведения, например, о необходимости какого-то действия (банальнейше — что-то сделать по дому, что мужчины гордо относят к своим таким тяжким обязанностям, вроде починить кран или прибить отходящую стенку шкафа). «Жена пилит-пилит, задолбала совсем — вынеси ёлку да вынеси ёлку, на майские праздники тёща с тестем придут, неудобно, мол... дура».

Итак, мой муж сознательно игнорировал мои слова.

Каждую ночь я без опаски и стыда могла повернуться только несколько раз, иначе мне устраивался разнос: мешаю, мол, спать. В скученных условиях, характерных для российских жилищ, перелечь мне было просто некуда. До трёх-четырёх часов ночи я не засыпала из-за боли, которая не утихала уже и после того, как я, наконец, осторожно меняла позу. Отсыпалась утром — что, естественно, служило прекрасной базой для упрёков. Чтобы избегать боли, я приучилась сидеть за компьютером по ночам. Мне это нравилось. Во-первых, никто не одёргивал, чтобы я вышла из-за компа и занялась чем-нибудь «полезным» (работой по дому, например, или участием в пьянке с друзьями мужа). Я благополучно использовала именно ночные часы, чтобы учить HTML и CSS, читать познавательные статьи и книги, а потом и делать свой сиявший пусть и недолго, несколько лет, но ярко, проект — «Цыганская культура и жизнь», электронный журнал, информацию из которого брала вся мелкая цыганская пресса России, и в котором были впервые опубликованы на русском многие выдающиеся цыганские

Во-вторых, я могла спокойно менять позу, перенося вес и время от времени осторожно прохаживаясь по квартире под предлогом «пошла в туалет». Кстати, там же, в ночном туалете, я выполняла простые упражнения для напряжённых мышц таза, бёдер и спины. В этом есть что-то психоделическое.

Дважды я перенесла то, что сейчас не могу охарактеризовать иначе, как пытки болью. В первый раз мой муж не выпускал меня со стула перед компьютером и не давал отвлекаться, пока я... не закончу печатать его отчёт. Да, я печатала его отчёты на одной из его работ: раз уж я «плохая хозяйка» (чистая правда, я плохая не только обслуга, но и сама себе хозяйка), то надо же быть полезной и всё такое. Я рыдала — у меня по лицу текли слёзы, я повторяла, что мне больно, но он настаивал, что НАДО допечатать.

Ещё одно наследие нашего детства: после НАДО ты должна тут же стать послушной, как солдатик, и никаких вопросов — а КОМУ надо?

Теперь я приучилась задаваться этим вопросом. Один из необходимых навыков самосохранения в нашем мире. Потом он заявил, что не понял, что мне больно (естественно, ложь) и извинился. И опять установка: если мужчина снизошёл извиниться, ты обязана почувствовать себя счастливой и извинить. Всё, нельзя дальше поднимать тему. Иначе ты распоследняя сволочь.

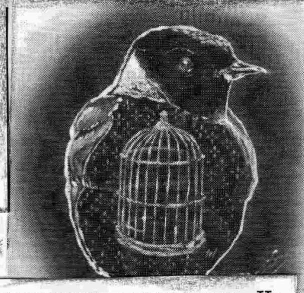
Второй раз был, кажется, его местью за побег на месяц отдохнуть от него в Санкт-Петербург. Он приехал ровно в середине моего отдыха и весь отведённый на обязательное семейное счастье день потратил на пешие забеги по Санкт-Петербургу. Необходимо ли пояснять, что переломы начинали ходить после получаса ходьбы, и дальше боль возрастала по геометрической прогрессии? Необходимо ли пояснять, что я весь день говорила, что мне больно, просила где-нибудь посидеть и отдохнуть или, лучше, вернуться на вписку? Естественно, меня заткнула высоким пафосом на тему «увидеть Питер и умереть» и «ты ноешь». Ещё одна из бесконечного количества мерзких установок, которыми мы пропитаны.

Я мучилась от боли ещё несколько дней после этой прогулки. И да, чтобы я не смела поднимать тему, я снова получила фальшивые обвинения. Замечу, и к чёрту скобки, что как раз перед этой поездкой я, при помощи тогда своего друга, а теперь второго супруга, вытащила первого мужа из очень плохой для него ситуации. Сомневаюсь, что он об этом вспоминает. Скорее о том, как он мучился с такой плохой хозяйкой.

Любимые фишки абьюзеров — давить на кнопку вины и подстраивать ситуации, делающие это возможным. Мой первый муж был просто асс в этом. Он упрекал меня тем, что я не зарабатываю; стоило мне найти работу, он развивал бурную деятельность с тем, чтобы фактически мешать мне работать. Мог в процессе отключить компьютер, чтобы — да, конечно, для моей пользы — потащить меня гулять в лес, за покупками в магазин или затеять скандал, заставив вотпрямщас перегладить гору белья или вымыть посуду. За то, чтобы работать, мне приходилось бороться. Найти работу вне дома я не могла: во-первых, ребёнок на руках (в стране абсолютно ужасная ситуация с садиками), во-вторых, необходимость постоянно разминаться и менять позу, высокая утомляемость, одышка вплоть до астматических приступов. Я помню, из-за одного астматического приступа мне вызвали «скорую», и женщина-врач, что-то почувствовавшая, несколько раз подряд, пожалуй, даже больше десятка, спросила меня, не испытывала ли я перед приступом стресс.

Я сидела, сжавшись в кресле, и раз за разом отвечала «нет». Я говорила искренне и сама не понимала, почему у меня слёзы наворачиваются. Я не могла понять сама и рассказать врачу, что я живу в стрессе. День и ночь. Меня к тому времени уже приучили игнорировать свои ощущения. Любые мои жалобы на здоровье — кроме сопровождающихся слишком явными симптомами — объявлялись капризами и симуляцией.

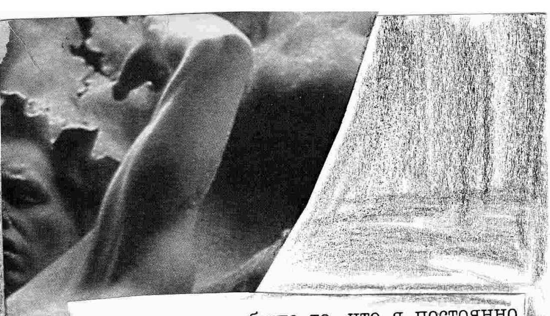

Что уж говорить о психологических ощущениях. Не пьёт, не бьёт, деньги носит — значит, не имеешь права чувствовать, что тебе из-за него плохо.

Я думаю, если бы я нашла работу вне дома, мой муж отыскал бы способ заставить меня с неё уйти. Вместо этого он стыдил, что я мало зарабатываю — при невозможности работать из дома на полном графике, невозможности, создаваемой его же силами. Хор подпевал. Я послушно стыдилась. При этом для него самого ничего не стоило несколько месяцев сидеть без работы под предлогом «я же не могу схватиться абы за какую». Ему не светил какой-либо карьерный рост, он не имел «интеллигентской» профессии. Он просто не хотел то, что было. Надо ли говорить, что в эти месяцы он сам домой денег не приносил, а меня стыдил малыми заработками?

К слову, деньги я должна была отдавать на нужды семьи. Мои нужды в них отчего-то не входили. Я донашивала одежду за старшей сестрой или то, что привезла из дома. Изредка покупала себе что-то со скидкой, и отнюдь не в бутиках. У меня не было обуви, и это не значит, что я не могла выбрать из десяти пар туфелек подходящую. Это значит, что у меня почти постоянно не было обуви, кроме как зимой — на зиму у меня были крепкие унты. Им уже одиннадцать лет, они всё ещё со мной. За год до развода я дерзнула зайти в магазинчик на рынке, просто чтобы померять платья. Это не было моим обычным развлечением, я терпеть не могу шопинга и примерок. Но первое же платье, польское, белое, трикотажное летнее платьице, которое я померила, село на мне так идеально, как никогда на мне не сидело ни одно другое. Впрочем, все другие я донашивала за кем-то. Платье стоило полторы тысячи рублей — на нынешние деньги примерно как три тысячи. Я не могла заставить себя из него вылезти. Продавщица насела на моего мужа, и ему, должно быть, стало перед ней неловко. Он заплатил, и весь оставшийся день я слушала его нотации про эту неразумную растрату денег. При нём я больше не одевала это платье — только тайком, оставаясь одна дома с ребёнком. Даже не для того, чтобы смотреться в зеркало, а затем, чтобы ходить в одежде, которая только моя, специально для меня куплена. Более охотно он покупал мне дешёвые пиратские диски с играми. А вот книги — на развалах — я покупала тайком. Ещё одна неразумная трата.

Конечно, когда он понял, что я ухожу, он вдруг стал покупать мне одежду (конкретно комплект из водолазки и джинсов) и говорить о том, что стоит купить мне графический планшет (я рисую и даже иногда продаю иллюстрации). Он отлично знал, каковы мои нужды, и заговорил об этом, когда припекло.

Но круче всего было то, что я постоянно подвергалась критике. Что бы я ни делала, это было не так. Я выслушивала с утра до вечера, насколько я плоха. Я, кажется, даже дышала не как люди. Или слишком много. Я просыпалась отвратительным человеком, с которым почему-то живёт человек святой, и засыпала (когда наконец удавалось) точно в тех же обстоятельствах. Только тот, кто подвергался такой же многолетней ежечасной атаке, со стороны супруга или родителя, неважно, может понять, о чём я говорю.

могла играть с ребёнком, не думая, как выгляжу со стороны и достаточно ли хорошая я мать. К слову, Хор назначил меня плохой матерью. Такой же плохой, как те, что морят детей голодом, пропивая все деньги, или колотят их. Я ведь надевала на ребёнка неглаженные вещи, кормила пюре из магазина и была плохой хозяйкой. Естественно, ребёнок рос здоровым, весёлым и хорошо развитым исключительно вопреки мне.

Однако на пятый год брака и эти свободные часы перестали меня подпитывать. Я всё делала плохо либо ужасно и потому перестала что-либо делать вообще. Я почти перестала есть. Я совершила попытку самоубийства отравлением — неудачную, завершившуюся бурной, изматывающей рвотой.

Кусок за кусочком разрушалось моё человеческое достоинство, самоуважение, даже просто ощущение себя как человека. Мои социальные связи постоянно обрывались. Стоило кому-то предложить мне помощь, и муж заявлял, что я использую людей. Ведь я и то, что я делала, не стоило ничего. Любой мой успех, большой или маленький, моментально обесценивался.

Допускался определённый набор гостей ко мне, но не слишком часто. Три человека. В такой обстановке они вообще могли бы не захотеть приходить; я рада, что всё-таки приходили. Именно им я не жаловалась, боясь спугнуть «нытьём». Все остальные приучали меня не доверять себе, игнорировать себя, предавать себя. Я обязана была быть довольной. Но у меня не получалось, я чувствовала вину за это, и жизнь становилась ещё отвратительней.

Нельзя сказать, что я не была счастлива. О, я была счастлива. В те часы, когда я оставалась в своей комнате наедине с ребёнком и компьютером. Компьютер был выходом в большой мир. Это были часы пронзительнейшего счастья. Я могла танцевать. Я могла общаться с людьми без того, чтобы кто-то дышал в затылок. Я могла работать без помех и заниматься своими проектами.

Я в основном лежала и глядела в потолок. Мои кости уже не просто прощупывались, они были видны. Естественно, и в этом я была виновата. Муж стыдил меня, но сил чувствовать вину у меня уже, к счастью, не было. Уйти он бы мне не дал, я это знала. Самой сбежать мне не хватило бы сил. Но когда у меня кончились силы испытывать чувство вины, я наконец приняла помощь и советы, которые мне предлагали — в интернете — уже давно. Я тихонько собрала документы, вещи, взяла ребёнка и сбежала.

Это вещь, которую боятся сделать все жертвы нефизического домашнего насилия. Просто уйти. Ведь это невозможно. Никогда не сможешь нормально работать. Негде будет жить. Никто тебе не поможет, ничтожной и отвратительной. Зачем тебе это, неблагодарной, живёшь как у Христа за пазухой и муж -- святой человек. Нельзя уходить от святых человеков, не имеешь права даже хотеть этого.

А потом это всё оказывается ложью, и ты оглядываешься, и не можешь поверить — как ты могла принимать её, как правду, столько лет. И как столько лет ты не могла понять, что тебе причиняют вред, что ты подвергаешься насилию.

Ответ более чем прост: тебя приучили НЕ РАСПОЗНАВАТЬ насилие. Даже когда оно бьёт в глаза. Даже когда ты ощущаешь его всем своим существом. Просто закрой глаза, улыбнись и повторяй: не пьёт, не бьёт, приносит деньги.

"Добровольное насилие"

Я хочу рассказать о добровольном насилии, которое я позволила будучи зомбированна установками общества.

До университета я не имела сексуальных отношений с мужчинами, и имела комплекс по этому поводу.

Когда я поступила на первый курс, от меня настойчиво стал добиваться секса пятикурсник, у которого была традиция каждый год спать с первокурсницей. Как-то при общении я ему рассказывала про русалок, на что он сказал, будто они неинтересны и бессмысленны, раз у них нет вагины.

Потом он сказал, что злостный гомофоб, и не желает находиться в одной комнате с гомосексуалами. Уже тогда я осознавала, что мне нравятся девушки, но ничего не ответила, побоялась, что тогда мачо разочаруется во мне и перестанет обращать столь непривычное внимание.

Я относилась к себе и своим чувствам несерьёзно, меня больше волновало, что подумает обо мне этот парень, да и вообще, думала, что влечение к женщинам – это тараканы в моей голове, что мне просто нужно встретить своего принца.

На посвящении в студентки, проходившее на базе отдыха, этот вагинохотетель затащил меня в комнату и запер дверь на ключ. Я же окоченела и думала, что пора бы мне уже пережить это, что это идеальный случай приобрести необходимый опыт, и что нельзя отказывать. Во время ласк я чувствовала лишь отвращение, однако, лежала трупиком, или, как они это говорят, бревном. Я не чувствовала своего тела, у меня не было никаких желаний, в моей голове было только: «тебе повезло, ничего плохого не происходит, наконец-то, тебе не может не понравиться, нельзя отказывать, нельзя его разочаровывать». Через некоторое время я всё же вскочила, отперла дверь и выскочила, приложив прежде волосы, как мне снисходительно посоветовал мужчина.

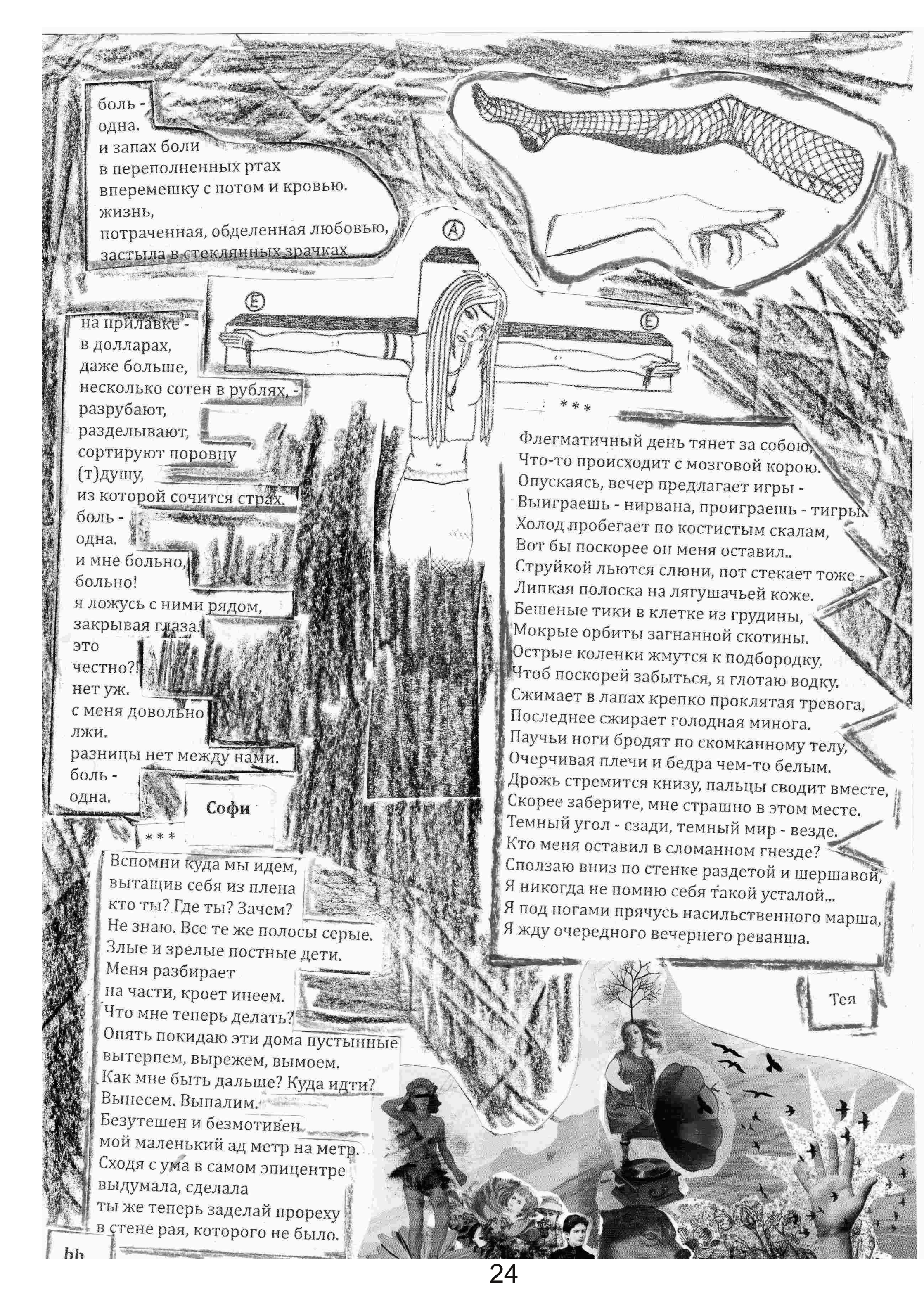
По возвращению он опять стал настаивать на сексе. Я же считала, что теперь просто обязана довести дело до конца, ведь он потратил на меня столько мыслей и времени. Я не принимала во внимание, что не хочу иметь с ним секс, не считала важными свои чувства, я хотела лишь оправдать его надежды и приобрести «необходимый» опыт.

Теперь, я не хотела быть "бревном", и при встрече старалась дарить ответные ласки, от которых меня дико переворачивало - это было самое отвратительное, мерзостное, психотравмирующее, что происходило со мной в жизни. Но я думала, что не делать это несправедливо, и плохо меня характеризует. И хоть я не ощущала своего тела, крайне паршиво себя чувствовала, а парень мне был отвратителен, как и весь этот вечер, я считала обязательным остаться.

Это было добровольным насилием.

Вечер имел для меня печальные последствия. На долгое время у меня появился рвотный рефлекс на поцелуи. Меня часто передёргивало от воспоминаний. Я стала страдать нервной анорексией и булимией которые очень плохо отразились на моём здоровье и психическом состоянии.

Сейчас всё это уже пережито, проанализировано. Неприятно, что обо всём знала моя (тогда) тридцатилетняя подруга лесбиянка, с которой я теперь не общаюсь, но тайно люблю. И что именно она отправила меня на это, не принимая во внимание, что я прячусь под лестницей и зову именно её и ей всё рассказываю. Она сказала, что почему бы мне не повеселится, и что моё влечение к женщинам – это тяга к экспериментам, а вот она настоящая «тру-лесба», которых 3%. И я решилась на это мазохистское «веселье», закрыв глаза на свои чувства.

боль -
одна.
и запах боли
в переполненных ртах
вперемешку с потом и кровью.
жизнь,
потраченная, обделенная любовью,
застыла в стеклянных зрачках

на прилавке -
в долларах,
даже больше,
несколько сотен в рублях, -
разрубают,
разделывают,
сортируют поровну
(т)душу,
из которой сочится страх.
боль -
одна.
и мне больно,
больно!
я ложусь с ними рядом,
закрывая глаза.
это
честно?!
нет уж.
с меня довольно
лжи.
разницы нет между нами.
боль -
одна.

Софи

* * *

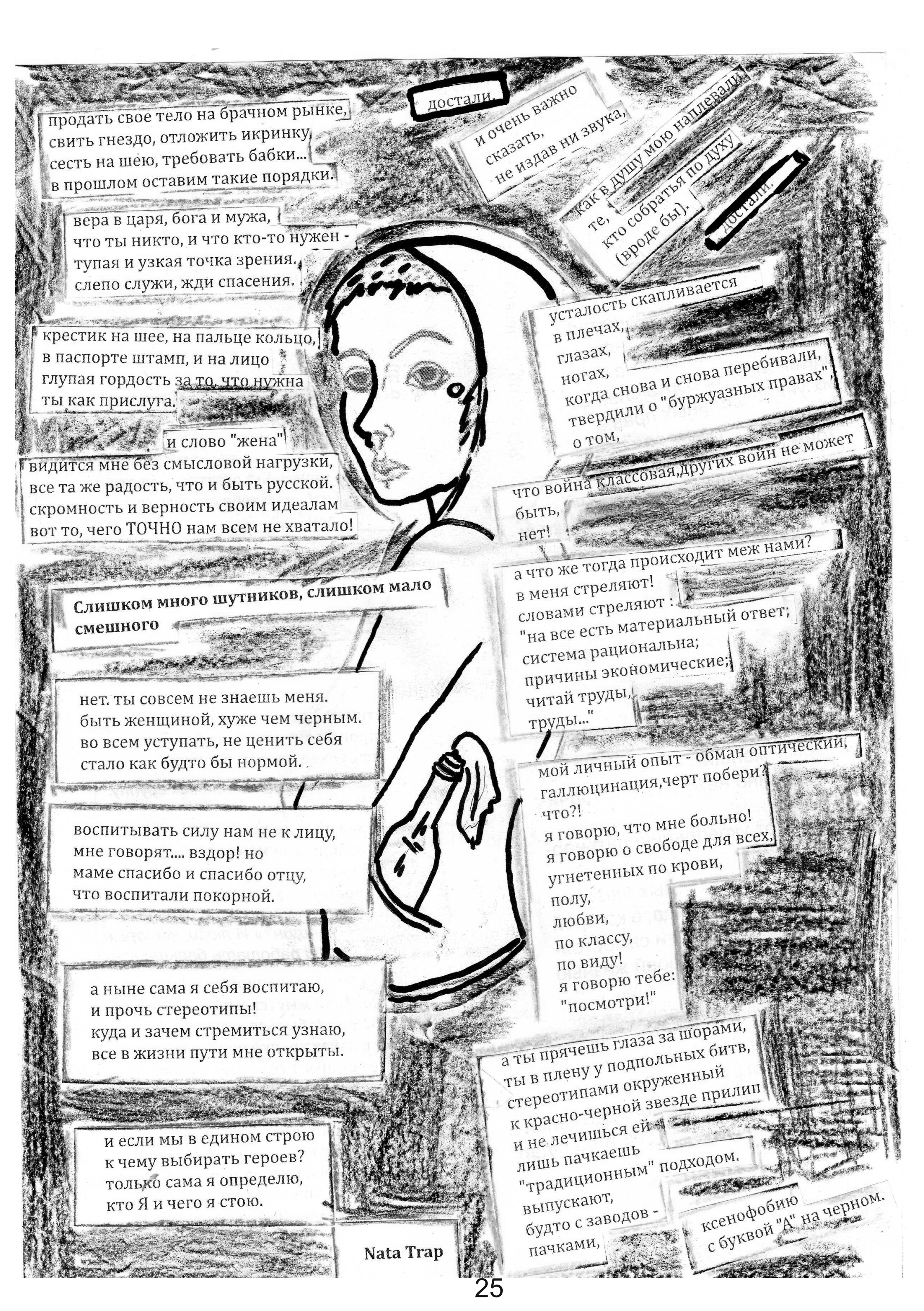
Флегматичный день тянет за собою,
Что-то происходит с мозговой корою.
Опускаясь, вечер предлагает игры -
Выиграешь - нирвана, проиграешь - тигры.
Холод пробегает по костистым скалам,
Вот бы поскорее он меня оставил..
Струйкой льются слюни, пот стекает тоже -
Липкая полоска на лягушачьей коже.
Бешеные тики в клетке из грудины,
Мокрые орбиты загнанной скотины.
Острые коленки жмутся к подбородку,
Чтоб поскорей забыться, я глотаю водку.
Сжимает в лапах крепко проклятая тревога,
Последнее сжирает голодная минога.
Паучьи ноги бродят по скомканному телу,
Очерчивая плечи и бедра чем-то белым.
Дрожь стремится книзу, пальцы сводит вместе,
Скорее заберите, мне страшно в этом месте.
Темный угол - сзади, темный мир - везде.
Кто меня оставил в сломанном гнезде?
Сползаю вниз по стенке раздетой и шершавой,
Я никогда не помню себя такой усталой...
Я под ногами прячусь насильственного марша,
Я жду очередного вечернего реванша.

Тея

* * *

Вспомни куда мы идем,
вытащив себя из плена
кто ты? Где ты? Зачем?
Не знаю. Все те же полосы серые.
Злые и зрелые постные дети.
Меня разбирает
на части, кроет инеем.
Что мне теперь делать?
Опять покидаю эти дома пустынные
вытерпем, вырежем, вымоем.
Как мне быть дальше? Куда идти?
Вынесем. Выпалим.
Безутешен и безмотивен
мой маленький ад метр на метр.
Сходя с ума в самом эпицентре
выдумала, сделала
ты же теперь заделай прореху
в стене рая, которого не было.

bb

продать свое тело на брачном рынке,
свить гнездо, отложить икринку,
сесть на шею, требовать бабки...
в прошлом оставим такие порядки.
вера в царя, бога и мужа,
что ты никто, и что кто-то нужен -
тупая и узкая точка зрения.
слепо служи, жди спасения.
крестик на шее, на пальце кольцо,
в паспорте штамп, и на лицо
глупая гордость за то, что нужна
ты как прислуга.
и слово "жена"
видится мне без смысловой нагрузки,
все та же радость, что и быть русской.
скромность и верность своим идеалам
вот то, чего ТОЧНО нам всем не хватало!
достали.
и очень важно
сказать,
не издав ни звука,
как в душу мою наплевали
те,
кто собратья по духу
(вроде бы).
достали.
усталость скапливается
в плечах,
глазах,
ногах,
когда снова и снова перебивали,
твердили о "буржуазных правах",
о том,
что война классовая,других войн не может
быть,
нет!
Слишком много шутников, слишком мало смешного
нет. ты совсем не знаешь меня.
быть женщиной, хуже чем черным.
во всем уступать, не ценить себя
стало как будто бы нормой.
воспитывать силу нам не к лицу,
мне говорят.... вздор! но
маме спасибо и спасибо отцу,
что воспитали покорной.
а ныне сама я себя воспитаю,
и прочь стереотипы!
куда и зачем стремиться узнаю,
все в жизни пути мне открыты.
и если мы в едином строю
к чему выбирать героев?
только сама я определю,
кто Я и чего я стою.
а что же тогда происходит меж нами?
в меня стреляют!
словами стреляют :
"на все есть материальный ответ;
система рациональна;
причины экономические;
читай труды,
труды..."
мой личный опыт - обман оптический,
галлюцинация,черт побери?
что?!
я говорю, что мне больно!
я говорю о свободе для всех,
угнетенных по крови,
полу,
любви,
по классу,
по виду!
я говорю тебе:
"посмотри!"
а ты прячешь глаза за шорами,
ты в плену у подпольных битв,
стереотипами окруженный
к красно-черной звезде прилип
и не лечишься ей
лишь пачкаешь
"традиционным" подходом.
выпускают,
будто с заводов -
пачками,
ксенофобию
с буквой "А" на черном.
Nata Trap

Анархизм как препятствие для анархии

Последнее время среди анархистов стала актуальна тема феминизма. В принципе это направление анархизма я поддерживаю давно и вообще не вижу будущего у движения без взаимодействия с феминистками. Однако оказалось, что такое сугубо правое явление как антифеминизм имеет свое влияние и в наших рядах. Носители единственно верной идеологии с упорством достойным лучшего применения пытаются доказать, что анархо-феминизм мелкобуржуазен и вообще нарушает анархистские заповеди. Конечно, это не одобряют адекватные анархисты, но то что сексисты в движении есть - это факт.

В целом, анархистское и антифашистское движение на сегодняшний день погрязло в субкультуре и становится жестко иерархичным. Все эти брендовые шмотки, модные канцы, фотки с закрытыми щщами нужны только для повышения чувства собственной важности. Т.к. феминизм не укладывается в привычную картину мира субкультурщика его необходимо яростно критиковать. Смешно однако, что когда Санкт-Паули проводит акции против гомофобии у наших героев возникает когнитивный диссонанс и они предпочитают не обсуждать эту тему.

Феминизм не нужен четким анархо-пацанам, ведь рецепт от всех бед только классовая борьба. Вот потом в далеком будущем все само собой наладится, только капиталистов надо свергнуть. Это как Хрущев обещал к 1980-ому году построить коммунизм. Анархисты должны бороться с предрассудками уже сейчас и в первую очередь внутри своего движения. Ссылаться на отдаленное будущее, которое возможно вообще не наступить это скорее удел ЦК КПСС.

Безусловно, мужчина не сможет до конца понять чувства женщин. Мужчины и женщины живут в одном и том же мире, но очевидно, что видят они его по-разному. Мужчина не знает, что такое изнасилование в ночном парке, аборт в раннем возрасте, домашнее насилие. Однако, несмотря на различие в первичных половых признаках мужчины и женщины равны и никто не может быть лучше другого. Феминизм это также уважение различий между полами. Мачисты убеждают нас, что феминистки хотят полностью стереть эти различия, сделать всех среднего пола. Однако мы убеждаемся на примере сотен одинаковых пацанов в футболках ClasswaR, что это мачизм хочет сделать всех одинаково мыслящими клонами. Все проблемы от того, что путают понятия "равенство" и "одинаковость".

Гендерные стереотипы навязаны как мужчинам так и женщинам с самого детства. Мы вынуждены принять такое шаблонное описание мира. Массовое женское движение дает людям другой взгляд на общество. В России его как такового нет, поэтому не удивительно, что субкультурные антифа мыслят на уровне неандертальцев. Феминизм в наших краях сейчас что-то новое и непонятное. Однако со временем люди так или иначе к нему привыкнут и как минимум, перестанут

брызгать желчью.

Все подчеркивают, что феминизм выгоден только женщинам. С точки зрения анархо-феминизма это в корне неверно, т.к. патриархат оказывает свое негативное влияние на оба пола. Мужчина обязан расплачиваться за свое привилегированное положение более низкой продолжительностью жизни. В силу того, что мужчине необходимо вести себя в соответствии со сложившимися стереотипами, ему считается постыдным проявлять любого рода слабость. От этого они редко обращаются к врачу, и в целом происходит эмоциональное истощение, ведь "мужчины не плачут". Служба в армии так же является неотъемлемым атрибутом патриархата, "кто не служил - не мужик" и тому подобное. И не будем забывать про обязанность мужика кормить семью, «зарабатываешь меньше женщины – альфонс». Так же мужчина обязан заниматься стопроцентно мужскими занятиями. Такими как распитие пива с друзьями, рыбалка, автомобили. Профессия тоже должна быть мужской – военный, полицейский, охранник. При этом, он должен по жизни идти к успеху и быть победителем, а если не фартануло и оказался на дне - добро пожаловать в разряд "неудачников". По сути, мужчина так же вынужден примерять на себя различные маски и ярлыки. Помимо попыток доказать обществу, что ты настоящий мужик, на реализацию собственных желаний времени не остается.

Короче говоря, противники феминизма сами себе копают могилу ибо придется им до конца жизни изображать из себя настоящего мужика и альфа-самца. А не будут соответствовать навязанным стереотипам - будут лишены гордого звания «мужчина» и станут «тряпкой».

Если подумать, то неуважение к своим товарищам по борьбе это черта патриархальная, т.к. патриархат олицетворяет власть и контроль над другими людьми, стремление навязать всем свое «единственно правильное» видение мира. Субъекты перестают вести конструктивный диалог и слушать отличное от их мнение. Начинают выяснять кто основа, кто больше сделал для анархизма и прочую чушь. Когда товарищей по борьбе называют «самками» - это лишь показывает недалекость этих персонажей и идейную близость с ультраправыми.

Патриархат по сути является властью отца семейства над детьми и женщинами. Феминизм борется с подобными иерархическими отношениями, что роднит его с анархизмом. Оба этих учения ставят своей задачей уничтожение системы власти-подчинения, предоставление равных прав для каждого независимо от происхождения. Властные отношения в государстве являются элементами патриархата, когда царь-отец имеет неограниченную власть над подданными. Анархизм и феминизм также стремится освободить человека от навязанных ему поведенческих стереотипов. Для того, чтобы людьми было легче управлять патриархальная система создала образ настоящего мужчины и порядочной женщины. Чтобы соответствовать навязанным моделям поведения человек готов перешагнуть через свои потребности, став одним из похожих друг на друга субъектов. И естественно этим

пользуются капиталисты, продавая женщинам средства для похудания и косметику, а мужчинам дорогие автомобили и сигары.

И классовая борьба в данном случает отнюдь не является панацеей от всех бед. Ибо патриархат существовал еще до появления капитализма. Более того женщина стала рабой уже тогда, когда рабов ещё не существовало.

Мужчина является добытчиком в семье и женщина находится в подчиненном положении. В границах семьи женщина занимает место пролетариата. Марксистский и либеральный феминизм говорит нам, что нужно всего лишь обеспечить присутствие женщин в органах власти. Однако мы выступаем против такого подхода, т.к. при нем создается иерархия, но другого характера. Сколько бы женщин не сидело в парламенте, от этого общая система доминирования не поменяется. Внутри самого женского движения вполне возможны жестко иерархичные отношения, в чем можно убедиться на примере либеральных феминистких организаций.

Так же, антифеминисты заявляют, что меньшинства должны слушать мнение большинства. Однако при этом они не учитывают, что по статистике женщин больше, чем мужчин. Пускай и не все женщины являются феминистками, однако доминирование мужчин - это несомненно диктат меньшинства над большинством.

Они указывают на то, что феминистки борются конкретно с мужчинами, а не с патриархатом. Люди, которые так считают, скорее всего, в жизни не общались с феминистками, и повторяют пропаганду средств массовой информации. Это, по сути, напоминает мнение правых о том, что все антифашисты ненавидят русский народ. Достаточно вспомнить, что одну из настольных книг левых феминисток «Женщина и социализм» написал мужчина.

Некоторые анархисты поддерживают теорию обобществления женщин. Анархия для белых гетеросексуальных мужиков например. Даже большевики в свое время отказались от этого бреда. Интересно своих матерей или сестер мачисты тоже отправили бы в бордели? Подобное мышление характерно для людей с правыми взглядами, именно националисты рассматривают женщин как свою собственность. Подобные проекты успешно реализовывали, скажем, в нацистской Германии, заставляя узниц концлагерей заниматься проституцией (Lagerbordell). Также можно вспомнить "станции утешения" для солдат Квантунской армии.

Собственно, задаешься вопросом «зачем вообще бороться за такое общество, где одни угнетатели сменятся другими?». Это сложно назвать коммунистическим обществом, скорее очередным провальным проектом его построения. У меня нет никакого желания быть эксплуататором, поэтому я и являюсь анархистом. С теми кто хочет при анархии отправить всех женщин на кухни мне явно не по пути. Свобода должна быть для всех, иначе это ничем не отличается от современного капиталистического общества.

Конечно, все это скорее болезни роста российского движения. В других странах левые уже давно признали необходимость борьбы с сексизмом, как одним из проявлений дискриминации. Даже в таких, казалось бы патриархальных странах как Греция и Япония, активисты вполне успешно работают в этом направлении. С греческими анархистами довелось общаться вживую и их отношение к вопросу координально отличается от российских коллег. Например, выселенный сквот Вилла Амалиас ранее занимался организацией квир-вечеринок, при этом все анархо-шовинисткие паблики выражали свою солидарность с ними.

В общем, картина на данный момент довольно безрадостная, но для российского общества закономерная. Однако, в мире картина совсем иная и феминизм стал неотъемлемой частью левого движения, вряд ли российские консерваторы могут на это повлиять. Женщины показали, что мириться со своим угнетенным положением не намерены. Можно конечно отмахиваться от этого и считать все это «евролевачеством», но делать это лучше на своих тру-анархистских сходках, подальше от нормальных людей.

МАЧО

Я встретила Диму на концерте, когда мне было 17. У меня тогда только появлялись свои убеждения и свой взгляд на мир, но они во мне еще не укрепились. Я взахлеб читала Кропоткина, а об Эмме Голдман еще речи не было.

Когда мы с Димой увидели друг друга в первый раз, я пыталась выглядеть скрытной. Я боялась открываться людям, и даже показалась ему мизантропом и не понравилась ему... А он мне понравился. Он был со своим другом, они говорили о «высоком». Дима отстаивал свободу, равенство и злился на националистические замашки своего друга. Он показался мне независимым, начитанным и безумно привлекательным. Он говорил о зомбоящиках, деградации и антиутопиях. Я присоединилась к разговору, и мы нашли много общего. Я выпила лишнего, и он провожал меня домой. Я рассказала ему о своем одиночестве, о том, что мне недавно изменил парень и бросил. О том, что мне душу растоптали. А он сказал, чтобы я ее никому не открывала. Но было уже

Независимая Группа Феминисток представляет собой неформальную, не иерархическую, незарегистрированную инициативную группу, которая объединяет вокруг феминистской идеологии людей различных профессией, возраста, пола, ориентации и религиозных взглядов Грузии.

Группа Независимых Феминисток была основана весной 2011 года. В этот период активизировались кампании, которые требовали запрет абортов и введение ограничений на репродуктивные и сексуальные права женщин. Наша группа была создана для реагирования на эти кампании.

Со временем группа расширила область своей деятельности и противопоставила себя утвержденным в Грузии патриархальной и гетеронормативной системам, которые основываются на угнетении женщин и представляют их людьми второго сорта/слабым полом, из чего следуют нарушения их универсальных прав.

Исходя из этого, мы противостоим всей практике, которая основывается на угнетении женщин, а именно:

- сексистские и женоненавистнические взгляды, практики и веры;
- ксенофобия, национализм, милитаризм, расизм;
- гомофобия и трансфобия;
- табу на сексуальность;
- гендерные роли и стереотипы;
- традиционный гетеронормативный институт семьи;
- институт девственности;
- религиозные институты, в которых женщина представляет собой человека второго сорта и постоянно находится в подчинении мужчины;
- системы власти, которые способствуют укреплению патриархата.

Видение, к которому стремится Группа Независимых Феминисток - это свободная/независимая окружающая среда, в которой у женщин есть признанные и реальные возможности самостоятельно распоряжаться своим телом и управлять своей жизнью в обществе.

По инициативе Группы Независимых Феминисток проходят различные акции и мероприятия. Кроме того, группа активно участвует в других феминистических кампаниях. Одной из целей группы является создание сильного феминистского движения в Грузии, которое будет основано на сотрудничестве и солидарности.

https://www.facebook.com/independentfeminists

поздно.

Мы много общались, и у нас в конце концов завязались отношения. Он казался мне мрачным романтиком, каким-то нездешним. И любила я не его, а любила в нем тот образ из книжек, который он мне напоминал. Меня немного смущали его фразочки типа «вот же педик патлатый», или «я мужик, значит ты не должна думать об этом», но тогда я не воспринимала их всерьез. Он делал ради меня безумные поступки, и защищал меня как ребенка. Он был ревнивым, всегда требовал от меня полной откровенности, я чуть ли не отчитывалась перед ним обо всем. Но мне и не хотелось ничего от него скрывать. Мне хотелось только одного: раствориться в нем.

Он был таким опытным, вел себя так уверенно, и девушек у него до меня было немало…. – как оказалось, вранье. Он тоже был девственником. И придумал всякие сексуальные подвиги, чтобы хвастаться перед друзьями-секс-машинами. Он начал трогать меня чуть ли не на третий день наших отношений. До этого ко мне никогда никто не прикасался. Мне нравилось, хотя мне его «ласки» казались немного грубыми. Он целовал меня так, что у меня были синяки на губах. Я была не против, потому что мне казалось, что это просто проявление страсти, ведь он меня любил. У нас начался петтинг, после которого у меня были синяки на бедрах, потому что ему нравилось меня кусать. Он всегда вел себя как какой-то хищник. Он мог посреди разговора схватить меня за грудь, вцепиться в меня и не давать слова выговорить. Но при этом когда он не был под властью животных инстинктов, он был мил и нежен.

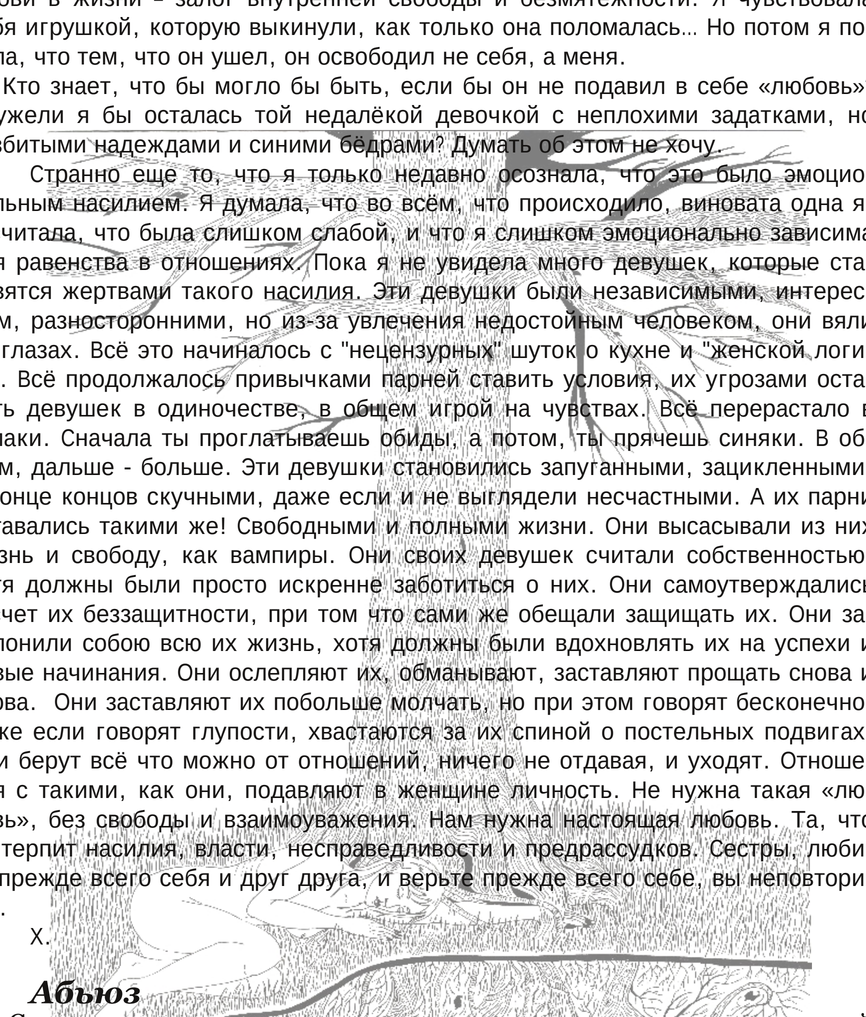
Проходили так месяцы, и чувства его ко мне начали угасать. Дело в том, что до меня он никого не любил и ни в ком не нуждался. А тут появилась я и показала ему мир нежности, тепла и самоотдачи. И он начал подавлять в себе любовь и избегать меня, потому что считал, что любовь делает его слабым, чувствительным, что «непозволительно для мужчины». Этот внутренний конфликт доводил его чуть ли не до депрессии. Он стал холодным и черствым. Когда мы ссорились, у него был такой взгляд, как будто он сейчас ударит меня, от которого у меня по всему телу проходила дрожь. Кроме «Я мужик, я сам знаю», я уже начала слышать «Ты женщина, тебе не понять», или «Дура ты, поняла?». Однажды, я подшутила над ним, и он схватил меня за кисти и сжал их. Я говорила: «Отпусти, мне больно.» Мы были не одни, и он сказал: «Это как собака. Когда ей слишком много позволяешь, она перестает уважать своего хозяина.» Он отпустил меня, и я гневе ударила его коленкой по яйцам. К сожалению, не сильно. Он гордо удалился, а я бежала за ним, извинялась. А друг его мне сказал «Да, он переборщил(!), но ты не должна была этого делать.» После этого мы по моей глупости помирились, и встречались еще месяца 3.

Во время этих отношении я страдала от низкой самооценки и потери уважения к себе. Эта эмоциональная зависимость причиняла мне одни страдания. Его появление в моей жизни прервало начало моего духовного роста, да и вообще работу мозга. Мне очень жаль, что рядом со мной не было того, кто бы сказал мне, что я отдаю себя впустую, что я теряю себя, что это не любовь, а болезненная, разрушительная одержимость…

Расставаясь со мной, он сказал, что уходит от меня потому, что я его слишком люблю, и ему нечем ответить на такие чрезмерно глубокие чувства.

Он сказал, что любил меня, когда я была сильной… Он думал, что отсутствие любви в жизни – залог внутренней свободы и безмятежности. Я чувствовала себя игрушкой, которую выкинули, как только она поломалась… Но потом я поняла, что тем, что он ушел, он освободил не себя, а меня.

Кто знает, что бы могло бы быть, если бы он не подавил в себе «любовь»? Неужели я бы осталась той недалёкой девочкой с неплохими задатками, но разбитыми надеждами и синими бёдрами? Думать об этом не хочу.

Странно еще то, что я только недавно осознала, что это было эмоциональным насилием. Я думала, что во всём, что происходило, виновата одна я. Я считала, что была слишком слабой, и что я слишком эмоционально зависима для равенства в отношениях. Пока я не увидела много девушек, которые становятся жертвами такого насилия. Эти девушки были независимыми, интересным, разносторонними, но из-за увлечения недостойным человеком, они вяли на глазах. Всё это начиналось с "нецензурных" шуток о кухне и "женской логике". Всё продолжалось привычками парней ставить условия, их угрозами оставить девушек в одиночестве, в общем игрой на чувствах. Всё перерастало в кулаки. Сначала ты проглатываешь обиды, а потом, ты прячешь синяки. В общем, дальше - больше. Эти девушки становились запуганными, зацикленными, в конце концов скучными, даже если и не выглядели несчастными. А их парни оставались такими же! Свободными и полными жизни. Они высасывали из них жизнь и свободу, как вампиры. Они своих девушек считали собственностью, хотя должны были просто искренне заботиться о них. Они самоутверждались засчет их беззащитности, при том что сами же обещали защищать их. Они заполонили собою всю их жизнь, хотя должны были вдохновлять их на успехи и новые начинания. Они ослепляют их, обманывают, заставляют прощать снова и снова. Они заставляют их побольше молчать, но при этом говорят бесконечно, даже если говорят глупости, хвастаются за их спиной о постельных подвигах. Они берут всё что можно от отношений, ничего не отдавая, и уходят. Отношения с такими, как они, подавляют в женщине личность. Не нужна такая «любовь», без свободы и взаимоуважения. Нам нужна настоящая любовь. Та, что не терпит насилия, власти, несправедливости и предрассудков. Сестры, любите прежде всего себя и друг друга, и верьте прежде всего себе, вы неповторимы.

Х.

Абьюз

С психологическим насилием в отношениях я столкнулась прошлой осенью (до этого момента я даже не задумывалась о существовании данного термина). Этот сложный этап разделил жизнь на две части: «до» и «после» отношений. Начало «любви», как и у всех пар, было хорошим: нежность, романтика, ощущение, что всю жизнь будем вместе, понимания друг друга с полуслова и т.д. Но спустя пару месяцев идеальных отношений появились непонятные ссоры и обиды на пустом месте. Оказалось, что мы слишком разные с этим человеком и не понятно как вообще влюбились друг в друга. Тогда я попыталась закончить отношения… несколько раз. Но после каждой попытки я получала

порцию истерик и слова о том, что если я разорву отношения, то смысл Его и без того несчастной жизни теряется и ему больше незачем жить на этом свете.

Сначала мне казалось, что парень шутит, но потом я узнала, что несколько раз он уже стоял на крыше, и каждый раз от шага вперед его спасала мысль о том, что он все же сможет вернуть меня. Дима, так его зовут, несколько раз добивался того, чего хотел – я возвращала отношения, делала вид, что все еще люблю его, а он в свою очередь обещал, что изменится, что сделает все, чтобы я чувствовала себя комфортно с ним. Даже как-то сообщил мне, что вовсе не против, если я захочу ему изменить, но только чтобы я не бросала его, сохранила на себе ярлык «девушка Димы».

В очередной раз, когда я сказала ему, что так больше продолжаться не может, что я не могу себя заставлять с ним встречаться, он упал на колени и несколько минут провалялся, обнимая мои ноги. Он, рыдая, умолял меня не уходить от него, убеждал меня в том, что наложит на себя руки, ибо я – единственный смысл его жизни и т.д. Это была самая сильная истерика, что я у него видела (п.с. плакать он раньше не умел, но ловко научился, когда понял, что тем самым он может надавить на мою жалость и доброту).

Тут я реально начала понимать, что это вовсе не «любовь», как он любил называть свои чувства ко мне, а самый настоящий фанатизм! Я не знала, что мне делать, но варианта было два: либо мне нужно было продолжать через силу заставлять себя быть с ним, рыдать ночами от безысходности, но тогда я была бы уверена, что он жив и здоров, либо уже наконец закончить эти отношения, и каждый день бояться новости о том, что он спрыгнул с крыши/застрелился/вскрыл вены и т.д. Когда я собрала в кучу оставшиеся силы и сказала ему, что отношения окончательно закончены, он пропал из виду. Некоторое время я не знала, жив ли он вообще. Когда Дима объявился, я узнала о том, что он решил дать мне отдохнуть, но всем сердцем продолжает верить в то, что когда-нибудь мы снова будем вместе.

Сейчас мы продолжаем иногда переписываться и даже видеться, но не потому, что мне хочется сохранить дружеские отношения с этим человеком, а потому, что я боюсь того, что он может сделать. Аккуратные попытки максимально ограничить наше общение – это все, что возможно сделать на данном этапе. Резкое прерывание общения может только усугубить ситуацию и дать ему возможность всеми возможными силами узнать о том, что происходит в моей жизни.

Я хочу выразить благодарность своей лучшей подруге, которая все это время была рядом и морально помогала держаться. Ей удалось объяснить Диме, почему теперь после нашего расставания ему нельзя меня целовать, обнимать и держать за руку; почему нельзя через каждые полчаса писать о том, как он безумно-сильно любит меня, и что ему очень сложно держаться; почему нельзя следить за тем, кого я добавляю в друзья и допытываться до того, в кого я влюблена; дала ему понять, что если я ему что-то не рассказываю – это не повод для того,

чтобы взламывать мой аккаунт и читать все подозрительные для него переписки.

Психологическое насилие является довольно популярным явлением в отношениях и встречается гораздо чаще физического насилия. Встретив человека не возможно сразу определить, что ждет тебя в будущих отношениях с ним. Даже самый идеальный и добрый человек может в дальнейшем оказаться садистом. Про каждый сложный этап в жизни можно сказать, что он является своего рода «учителем», который помогает трезво смотреть на мир, расширять мировоззрение и не совершать подобные ошибки в будущем. Но любое насилие, будь то физическое, сексуальное или психологическое нельзя отнести к категории «учитель», потому что, ни один «учитель» не сделает из тебя жесткого параноика, не расшатает твои нервы и психику донельзя и не заставит панически вздрагивать от любой мысли об отношениях и сексе.

В любых отношениях очень важно иметь третье лицо, с которым всегда можно поделиться проблемами и тревогами, который поможет найти ответы и решения в любой ситуации. Даже если отношения кажутся идеальными, всегда может наступить такой момент, когда появятся первые подводные камни.

Сабина И.

Твое тело - это поле битвы

Кто делает в России аборты? Кто их вообще делает? Какие-то мифические женщины?

Об этом не принято разговаривать за чашечкой чая. На вопрос «как дела?» никто тебе не ответит «вчера я сделала аборт». Об этом говорить неприлично, как в общем контексте секс-табуированности, так и в контексте подавления личных переживаний и неприемлимости обсуждения в обществе того, что тебя реально волнует.

Нежелательная беременность — явление слишком частое для постсоветской действительности. Ее причиной служит как недостаточное сексуальное просвещение в рамках контрацепции, так и патриархатное общество, стремящееся подчинить себе женщину и ее волю.

Когда я столкнулась с нежелательной беременностью мне было 17 лет. У меня на тот момент был молодой человек, мы пользовались контрацепций, но как это обычно бывает, что-то пошло не так. Вероятнее всего, порвался презерватив, но сразу же мы этого не заметили. Обнаружила это я где-то месяца через 2, когда у меня была задержка и начались сильные боли в животе. Мне стало страшно, я начала нервничать, но молодой человек говорил «да тебе кажется» или что-то типо того. Тогда я рассказала об этом маме и мы пошли в женскую консультацию. Там я сразу же столкнулась с типичными врачами, которые смотрели на меня как на «распущенную девку» и выказывали свое скрытое презрение. Меня определили к крайне компетентному врачу, которая не судила меня и мои действия. Когда я сделала тест на беременность и выяснилось, что я беременна, мой парень сказал «надеюсь ты не собираешься рожать?» Я тогда вообще никогда не рассматривала себя в подобном контексте и не знала что делать. То есть, я конечно понимала, что рожать при отсутствии денег и желания не очень, но я сомневалась, и вообще, мне было дико страшно. Думаю можно при желании понять мое состояние. Рассказать об этой ситуации было некому, так как «неприлично», а парень мой жил в другом городе, и не мог приехать. В принципе поддержки было от него очень мало, потому что он не понимал моего состояния. В конце концов я все таки решила делать аборт. Уже тогда я склонялась к позиции прочойса, как чисто интуитивно, так и в плане общих анархических убеждений.

Так же, мне пришлось столкнуться с крайне неприятным врачом, которая открыто порицала мой выбор и пыталась надавить на меня морально. Это было очень сложно чисто психологически. Мама одобряла мой выбор, не осуждала меня и не трясла перед лицом библией. Моя врач рассказала мне, что при аборте возможны осложнения, но я

не вижу в материнстве своей единственной жизненной цели, и если я вдруг проявятся какие-то нарушения, я не обломаюсь и возьму ребенка из детского дома. Если вообще захочется детей.

Уже в больнице, в палате со мной лежали женщины, тоже направленные на прерывание беременности. Я узнала их истории и очень удивилась. Им было в районе 30-35 лет и у каждой уже было около 2-3 детей. Одна женщина сказала, что сделала всего в районе 5-6 абортов помимо уже родившихся детей, у второй это был 3 аборт, но она очень сильно сомневалась в своем решении. Они обе предохранялись различными способами, но иногда все же случались такие случаи. Обе они были замужем. Изредка к нам заходила медсестра, которая недвусмысленно намекала, что еще, мол, не поздно одуматься и отказаться от аборта. При разговоре с этими женщинами я скорее отмалчивалась, чем говорила, и когда в конце концов сказала, что это мой первый аборт, они очень удивились и сказали, что думали, что у меня уже есть ребенок. Но они мне помогли больше чем кто бы то ни было, увидев их, я поняла, что аборт вообще кто-то делает в этой стране.

Впоследствии, о своем опыте я практически никому не рассказывала, за исключением пары близких подруг, да и то, про прошествии долгого времени, или партнерам, которые, к слову, воспринимали мой опыт крайне неприятным образом лично для меня. Я ожидала от них поддержки или одобрения моих действий, а получала какие-то глупые шуточки.

В России, как и вероятно в остальных странах пост-совка, цены на контрацепцию крайне высокие. Презервативы за 100 рублей\3 штуки и противозачаточные таблетки по 500 плохо работают на создание благоприятное почвы для продуманного планирования семьи. Да что и говорить, мне кажется в этой стране существуют только православные центры, убеждающие женщин рожать во что бы то ни стало, и поливающие красной краской абортарии. Есть те же самые православные психологи, уговаривающие девушек, в рамках «недели тишины» рожать.

Как мне кажется, если ты против абортов, то ты должен бороться против причин, влекущих за собой нежелательную беременность. Если ты реально против абортов, потому что они все-таки в какой-то степени влекут за собой отрицательные последствия для организма женщины (то же касается и родов, кстати), то ты должен быть последователен и выступать за всеобщее секс-просвещение, снижение цен (или бесплатность) на контрацептивы разных видов (начиная от презервативов и противозачаточных таблеток, заканчивая маточными спиралями и презервативами для женщин). Последние же попытки правительств России и Украины полностью запретить аборты лишь показывает некомпетентность и неосведомленность власть имущих о реальной ситуации и эффективных методах работы в ней. Тем более, криминализация

абортов приведет к увеличению процента нелегальных абортов и в следствии чего, роста количества смертельных исходов и серьезных осложнений.

Я считаю, что женщина имеет свободу выбора, и только она вправе распоряжаться своим телом. Ни общество, ни муж, ни церковь, – только она. К сожалению, как мне, так и моим подругам приходилось и приходится сталкиваться с явлением “если любишь меня, то давай так” или “дорогая, я успею вытащить”. Меня всегда поражало подобное инфантильное безответственное отношение к девушке. Это наплевательское отношение к банальной безопасности,как в отношении всяческих заболеваний, так и вероятности нежелательной беременности. Да и в конце концов, неуважение и непринятие во внимание чувств и желаний девушки.

Если же женщина отказывается соблюдать навязанные ей правила, есть возможность, что она начнет чувствовать себя неправильной и плохой из-за того, что не хочет удовлетворять чужие желания. Падение самооценки и обесценивание – это дело такое. Данное явление вполне себе соответствует общему посылу патриархатного общества, в своем стремлении подавить женщину своей воле, навязать ей что-либо.

Возвращаясь к абортам и методам преодоления стресса. Не хочу конечно ничего рекламировать, но я считаю, что в тот момент, мне очень помог феминизм. В то время, я стала больше узнавать об этом и участвовать в каких-то акция, и прошаривать теорию. Моя подруга-феминистка, которой я безгранично благодарна и по сей день, открыла для меня его. Она научила меня слушать и оказывать поддержку нуждающимся в ней, не осуждать.

Я хотела бы этим «камин-аутом» поддержать всех женщин, которые сталкиваются с этой проблемой. Им кажется, что они одни, но это не так. Мне хотелось бы рассекретить многие темы, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, но они крайне табуированны. В следствие этого их обсуждение является затруднительным. Мы страдаем в одиночестве, испытываем множественные стрессы иногда только потому что нам кажется, что мы одни.

Я не сожалею о сделанном выборе. Потому что это мой выбор, мое тело – только мое.

Т ИММИ

Эко-феминистки - за права женщин и природы!

Российское государство рассматривает женщину и природу исключительно в качестве ресурса. В нашей стране наступление на природу путем вырубки лесов, загрязнения почв, водоемов и т.д. происходит точно так же как наступление на права женщин: ограничение доступа к абортам, вытеснение из общественной и трудовой сфер обратно на кухню, репродуктивный прессинг как со стороны государства, так и со стороны требующей светской власти церкви. Женщин принуждают рожать, не создавая никаких условий для улучшения медицинского обслуживания и материального обеспечения. Никого не волнует как матери будут выживать и в каких условиях будут расти дети, главное чтобы был прирост, чтобы «наши женщины рожали». Эту ситуацию с одной стороны подогревает набирающий обороты национализм: в СМИ частенько появляются темы об «антиславянском заговоре», о том, что «понаехавшие» не коренные жители скоро вытеснят своей численностью белых «местных», мол «их женщины» рожают по десятку детей, а «наши» и одного не сильно хотят.

Этот дележ женщин на «своих» и «их» тоже очень показателен: популярным становится расистский мем о том, что приезжие насилуют местных женщин, он сопровождается призывами к расправе над мужчинами не славянской внешности якобы для защиты женщин. при чем это искусственное заблуждение поддерживается и распространяется даже самой полицией. Вопреки антропологическим исследованиям и данным независимых центров, которые говорят о том, что меж расовые изнасилования — редкость. Это наш, местный миф о черном насильнике, об этом мифе говорила Анджела Дэвис еще в 70е годы прошлого века: когда белым расистам нужен был повод для погромов и убийств афроамериканского населения, они обвиняли чернокожих мужчин в изнасиловании белых женщин. И такие расправы выглядели оправданными и справедливыми в глазах белого населения. А современные технологии СМИ позволяют формировать общественное мнение в нужных направлениях гораздо эффективнее чем 40 лет назад.

Патриархатный русский мужчина со славянскими корнями является верхушкой пирамиды иерархий нашего общества: это его земля, его леса, реки, а точнее всего лишь природные ресурсы, это его женщины, его дети, а животный мир существует исключительно чтобы он имел возможность время от времени поохотиться, почувствовать себя настоящим добытчиком, либо, для особо продвинутых, иногда пофоткаться на фоне вымирающих видов в амплуа спасителя. Звучит как из эпохи средневековых завоеваний, но именно такое сознание у русского патриархатного мужчины. Эталонными образчиками которого служат

президент, наши чиновники, депутаты и прочие олигархи.

Первую леди страны давно никто не видел на публике, и ходят слухи, что ее отправили в монастырь. Т.е. пример для всех женщин страны ведет себя соответствующе с современными стандартами, которые навязываемыми российским женщинам: сидит дома и молится. Сам же «глава государства» регулярно произносит с экрана речи ненависти в которых часто использует сленг криминальных элементов, что помогает создать видимость альфа-самца.

С понятием «сексизм» президент явно не знаком вообще, потому что без дискриминирующих эпитетов не обходится ни одна его фраза, относящаяся к женщинам. Президент любит позировать в виде покорителя, повелителя и одновременно спасителя природы: с усыпленной тигрицей, лежащей у его ног, с леопардом в клетке, в полете со стерхами, в результате которого кстати говоря одна птица погибла... Ну а то, что при этом животные, находящиеся на грани вымирания, выдергиваются из привычной среды, транспортируются за десятки километров, накачиваются наркотиками, а некоторые и просто погибают в процессе транспортировки и съемки — остается за кадром.

В Красную Книгу в группу «обратить внимание» помещают виды, которые уже почти не встречаются, чтобы не выделять средства на поисковые и охранные мероприятия, а так же чтобы спокойно застраивать элитным жильем заповедные места. Так, большая часть резиденций президента его приближенных построены именно в заповедниках. Элитным развлечением для элитных русских мужчин является охота на вымирающих животных, с вертолетами и пулеметами... Поддержание некоторыми самцами своего альфа-статуса обходится природе и остальному человечеству очень дорого.

Для государства принуждение женщин к размножению независимо от их желаний и возможностей — то же самое что и принудительное осеменение самок крупного рогатого скота для мясо-молочной промышленности: неважно, что эти самки там себе думают и хотят, в каких условиях живут, главное чтобы рожали побольше мяса для их столов и пушек, и чтобы их можно было беспрепятственно доить.

Изнасилование самок человеческого вида считается преступлением только на бумаге, в жизни же - «она всегда виновата сама», да и что с ней случится, а если залетит, то только на пользу государству, которое уже пытается запретить аборты, ведь ему нужны рабочие руки и солдаты, чем больше тем лучше, а принуждать женщин рожать новых граждан гораздо проще, чем повышать продолжительность их жизни путем заботы об окружающей природе и улучшения условий жизни граждан. Тем более, что большую часть работы делает российское общественное стереотипное сознание, которое, покачнувшись в советское время в сторону равноправия, сейчас все дальше и дальше забирается в

Молот ведьм

выпуск #2
(июль 2013)

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ, или анархафеминистская революция прямо сейчас!

//в этом тексте может найтись что-то оскорбительное для патриархата\\

ПАТРИАРХАТ СКАЛИТ ЗУБЫ. УРА!

быть в активизме и анархизме можно и подчиняясь патриархату. но если уж идти до конца и разбирать системы власти до основания - есть смысл перевернуть на фиолетово-чёрную изнанку всё, что угнетает в привычном порядке вещей, донести социальную революцию до каждой мелочи быта.

беречь патриархатный порядок - значит лелеять своё угнетение и угнетение других. ещё чего!

В анархафеминизме — всё то же, что в анархизме, но тут под особым прицелом находятся гендерные роли, то есть самое базовое, что у нас есть — то, что мы — девочки и мальчики, - и если не в совсем дремучем патриархате, то и даже не только цисгендерные.

утопии и ежедневных вечеринок с бесплатными напитками ждать не приходится, научиться новым навыкам непросто, но возможно — а свободу от патриархата я готова пропагандировать днём и ночью, ибо свобода крута вовеки веков! Ну и, пока её нет, я буду за неё бороться и иметь в виду возможность неприятной встречи с ее охранниками .

Анархизм, а значит анархафеминизм, - это такая штука, в которой, чтобы выбраться на свободу даже в обычной повседневной жизни, придётся постоянно помнить, что системы властных отношений и угнетения пересекаются, держатся друг на друге — и не дают друг другу рухнуть, даже есть какая-то из них сгнила. А распределение власти в соответствии с гендером — это одна из самых опорных штук. И поэтому когда рухнет она, и будут подтачиваться другие, - то шансов, что неиерархическим, новым практикам без угнетения будет свободней — становится больше.

У меня есть несколько примеров того, что можно делать для анархафеминистского переворота уже прямо сейчас, в точках связки патриархата и капитализма и социального устройства.

Ну, вы поняли, анархафеминизм — это как анархизм, только ещё круче.

КАПИТАЛИЗМ vs МОЕ ТЕЛО

корпорациям интересно нажиться на моем теле. Но у них ничего не получится — стандарты красоты меня интересуют только как материал для анализа культуры, к тому же доходы корпораций — это точно не моя забота. Меня больше интересуют люди, которые работают на потогонных производствах за копейки, животные, на которых тестируют косметику и лекарства, и природа, которая загрязняется огромными заводами и выхлопными трубами транспорта. Я не хочу покупать новые тряпки каждый сезон, и тем более вкалывать ради этого на внеурочных.

МЕСЯЧНЫЕ

у меня конечно бывают месячные. капитализм хочет нажиться ещё и на этом и продать мне что-то, что бы позволяло мне не сидеть над ведром целыми днями во время месячных. почему я должна арендовать свою матку? может быть мне ещё на несколько дней арендовать свою руку или ухо и платить за это? ну уж нет. я буду шоплифтить тампоны и прокладки (год назад подруга подарила мне менструальную чашечку, но что-то я так и не научилась носить ее нормально). Это немножко риск. см. PS

КОНТРАЦЕПЦИЯ

то же касается и презервативов. почему, если мне хочется секса, я должна платить за его безопасность? а если секса с человеком, у которого бывает семяизвержение, - то нам с ним нужно платить за то, чтобы сперматозоиды не встретили мою яйцеклетку? я пойду в магазин за презервативами. мне будет немножко стыдно проходить мимо кассы, потому что моя грёбаная социализация приучила меня не только стыдиться заниматься сексом и особенно в презервативе, но и - платить даже за самые необходимые физиологически вещи

опять же — см. PS

СООБЩЕСТВО

СЕМЬЯ / СЕТИ СОЛИДАРНОСТИ

не обязательно повторять патриархатные модели, мечтать выйти замуж/пожениться. Мне это, кстати, было не очень просто понять с моделью, когда “все в нашем подъезде как поженились 30 лет назад – так и живут вместе”. Можно практиковать и другие модели сотрудничества и солидарности, тем более что они уже существуют – можно просто обращать на них больше внимания. Разные типы дружбы, разные групповые союзы – в

которых не обязательно всё должно строиться на сексе. А жить можно вообще в одиночку – но не забывать о строительстве сетей солидарности, построенных не на чисто географической или, шире, навязанной общности (семья, школьный класс, институтская группа, коллеги) которые могут помочь во время болезни или какой-либо сложной ситуации.

Интересно видеть и строить мир шире, чем предлагает это общинно-родовой строй.

СЕСТРИНСТВО

патриархатный концепт с антипатриархатным содержанием, который феминистки часто используют, чтобы обозначить солидарность между женщинами. Развивать анархафеминистские идеи прямо сейчас — это развивать солидарность между немужчинами прямо сейчас. И, конечно, солидарность вообще тоже, ведь по гендеру строится только одна из многих систем властных отношений.

АВТОНОМИЯ

анархафеминизм — это и особая автономия, автономия от гендерной беспомощности — стоит попробовать освоить то, что было вытеснено в дальний угол полезный навыков обычным гендерным порядком, научиться всему, что может быть полезно в быту. В том числе в активистском быту. Изучить активистскую безопасность. научиться домашнему хозяйству без гендерного распределения труда. Заняться спортом. Заняться здоровьем. Больше читать =)

Научиться самозащите.

ФЕМИНИСТСКИЙ АСКЕТИЗМ

Автономия — выгодная штука, которая предполагает, что уязвимость будет минимально возможной. А это значит — что придётся не зацикливаться на том, на чём учит зацикливаться патриархатная культура. Не фиксироваться на влюблённостях, сексе, стерильной красоте... Но — не переставать верить в радикальные возможности удовольствий. 28 дней аскезы и 2 дня гедонизма в месяц. Примерно так)

АНАРХАФЕМИНИСТСКОЕ ПАРТИЗАНСТВО

в анархической безопасности многие ловушки расставлены именно на патриархатных дозорных точках. Да и сам патриархат гнездится в этих точках, так что они дважды нехороши.

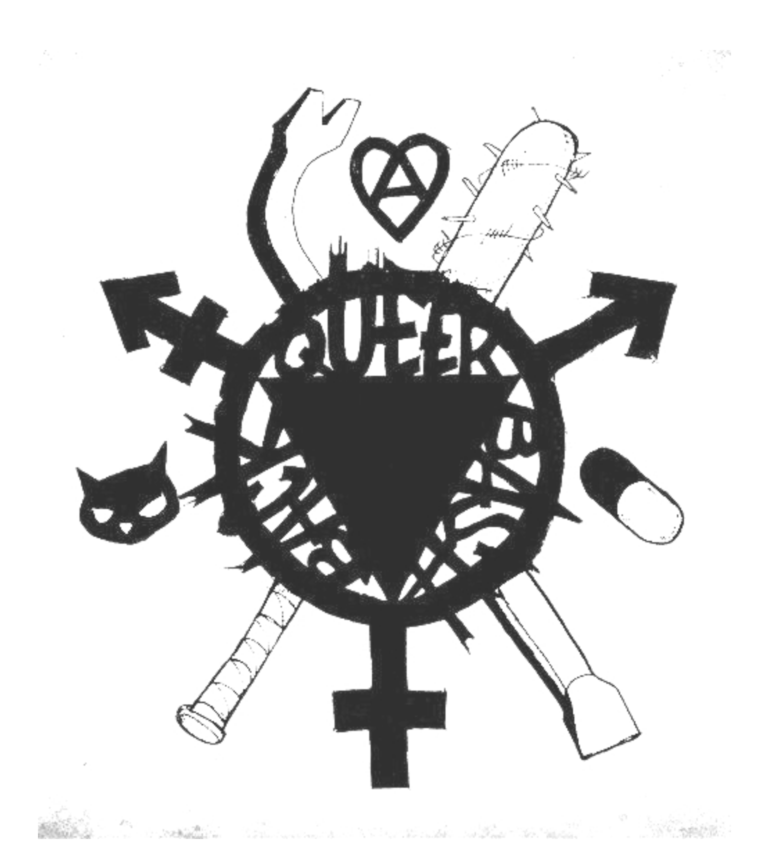
государство и капитализм предлагают весьма выгодные сделки, основа которых - патриархат: жилье у родителей или партнёра/партнёрши (решение — уход на «конспиративное», потаённое от их внимания жильё, где можно делать всё или почти всё что угодно), имя, которое тебе даёт семья, отчество, - и которое вписывается в уникальный инструмент контроля — паспорт (решение — по возможности реже пользоваться именем, не регистрировать на это имя себя в соц.сетях — хотя лучше там вообще ничего не делать — и почтовых ящиках), телефоны — по которым больше всего разговоров с родителями и возлюбленными.

Ну, это, пожалуй, пока всё, что пришло на ум

PS ну и — вопрос, который мне нравится решать, - кто имеет надо мной власть. И на какие риски готова.

солидарность!

QUEER